

Александр Зорин
Святослав Тужилин

ЯПОНИЯ и СССР

Тайная война на море
1923—1945 гг.

Александр Зорихин

**Япония и СССР. Тайная
война на море. 1923-1945 гг.**

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62+68.54

Зорихин А. Г.

Япония и СССР. Тайная война на море. 1923-1945 гг. /
А. Г. Зорихин — «ВЕЧЕ», 2025

ISBN 978-5-4484-5664-0

Книга посвящена истории периода военно-морского противостояния СССР и Японии после окончания интервенции в 1922 г. и до поражения Токио во Второй мировой войне в 1945 г., событиям Тихоокеанской кампании на море 1941—1945 гг. и Советско-японской войны 1945 г. Авторы рассматривают роль разведки и контрразведки обеих стран в обеспечении своих правительств информацией о военно-морской мощи и намерениях потенциального противника, ее влияние на оперативное планирование и изменение военной доктрины двух государств. Документальную основу книги составили ранее неизвестные широкому кругу читателей материалы из архивов МИД, Министерства национальной обороны и Национального архива Японии, а также Центрального архива ФСБ России, архивов УФСБ России по Омской и Саратовской областям, Архива Президента России, РГАСПИ, Центрального архива Министерства обороны России и ряда других архивохранилищ. Насколько успешно советская контрразведка противостояла японским спецслужбам, планировал ли ВМФ Японии принять участие в боях на озере Хасан в 1938 г, почему японский флот не напал на Владивосток летом 1941 г. в силу каких обстоятельств И.В. Сталин не допустил присутствия союзнического американского контингента на советском Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны, была ли Советско-японская война неожиданной для Токио — на эти и другие вопросы читатели найдут ответы в книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)62+68.54

ISBN 978-5-4484-5664-0

© Зорихин А. Г., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Введение	7
Глава 1. Военно-морское соперничество Японии и СССР в 1923–1940 гг.	16
§ 1. Хрупкий баланс (1923–1935)	16
§ 2. Вызов Красного флота (1936–1940)	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Зорихин, Святослав Тужилин Япония и СССР. Тайная война на море. 1923–1945 гг.

© Зорихин А. Г., 2025

© Тужилин С. В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

* * *

Введение

Среди малоизученных страниц советско-японских отношений второй четверти XX в. своеобразным «белым пятном» остается противостояние их военно-морских сил и разведывательных органов. Несмотря на наличие большого числа документальных источников, эта тема до сих пор исследована слабо, хотя руководство СССР рассматривало военно-морской флот (ВМФ) Японии как одну из главных угроз безопасности советского Дальнего Востока, а деятельность его разведорганов – как элемент подготовки империи к реализации агрессивной политики в отношении нашей страны.

Служба в военно-морской разведке всегда считалась делом престижным и выступала своеобразным трамплином для карьерного роста офицеров японского флота. За более чем 75 лет существования ВМФ императорской Японии (1869–1945) через разведку прошло практически все его верховное командование: из 19 военно-морских министров – 17 (90 %), из 19 начальников Морского генерального штаба (МГШ) – 14 (74 %), из 24 главнокомандующих Объединенным флотом – 22 (92 %). Профессиональным разведчиком был, например, адмирал Ямамото Исороку, в бытность военно-морским атташе в Вашингтоне (1925–1928) руководивший всей разведывательной деятельностью флота в Северной Америке. Не менее значимой для разведки и флота фигурой являлся последний военно-морской министр Японии адмирал Ёнаи Мицумаса, который в 1915–1922 гг. работал с легальных позиций против нашей страны, а в 1926–1928 гг. возглавлял 3-е (разведывательное) отделение МГШ. На пике политической карьеры он занимал должность премьер-министра Японии (1940). Нельзя не отметить, что легендарный главнокомандующий Объединенным флотом (1903–1905) адмирал Того Хэйхатиро на заре службы 7 лет провел в Великобритании, где обучался в Королевском военно-морском колледже в Гринвиче и стажировался на кораблях английского флота.

Поэтому объективное изучение истории военно-морской разведки в контексте становления, развития и боевой деятельности флота Японии позволяет понять скрытые механизмы многих судьбоносных для наших стран событий, таких как пограничные инциденты на советско-маньчжурской границе во второй половине 1930-х гг., отказ Токио от выступления на стороне фашистской Германии против СССР в 1941 г. и его поражение в ходе Советско-японской войны 1945 г.

Рассмотрение этого вопроса облегчается открытостью большинства архивохранилищ Японии, России, США, Великобритании и Германии, в которых отложились документы японской военно-морской разведки, советских спецорганов, дешифровальных служб стран антигитлеровской коалиции, считавшиеся утраченными или недоступными еще 30 лет назад.

Оценивая изученность вынесенной в заголовок книги темы, следует признать, что в *отечественной историографии* за более чем полуторавековую историю российско-японских отношений деятельность военно-морской разведки Страны восходящего солнца в контексте противостояния флотов двух стран серьезному рассмотрению не подвергалась.

В советский период над ведомственными историками и историками-любителями довлело сложившееся в обществе по окончании Русско-японской войны под впечатлением поражения царского флота мнение о тотальном засилье японских шпионов на главных военно-морских базах (ВМБ) Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре и во Владивостоке. Миф о широком проникновении японских разведчиков оказался настолько популярен, что даже спустя 22 года после свержения российской монархии автор книги «Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.» (1939) А. Вотинов, например, утверждал, что «наиболее важные секретные документы и сведения удавалось получать тем японским шпионам, которые находились на службе у царских дипломатов или других должностных лиц царского правительства в каче-

стве... домашних парикмахеров», а его коллега В. Н. Минаев полагал, что «все морские базы и укрепления русского Дальнего Востока кишели японскими шпионами»¹.

Хотя к середине 1930-х гг. советские органы госбезопасности имели четкое представление об организации, формах и методах деятельности японской военно-морской разведки, в общедоступных исследованиях упоминаний о ней практически не встречалось. Пожалуй, единственным исключением стали публикации весной – летом 1937 г. в газетах «Известия» и «Правда» двух статей с кратким рассказом о работе 3-го (разведывательного) управления МГШ Японии и более развернутой статьи уже упомянутого В. Н. Минаева в «Морском сборнике» осенью 1938 г., раскрывавшей формы и методы работы разведорганов японского флота против Великобритании и США². Кроме того, отдельные аспекты их деятельности были описаны в монографии преподавателя кафедры разведки Военной академии имени М. В. Фрунзе К. К. Звонарева «Японская разведывательная служба»³.

В послевоенный период внимание абсолютного большинства советских исследователей было обращено на изучение работы военной разведки Японии в ущерб ее морскому ведомству. Весьма характерно, что даже среди большого количества статей и монографий различных инстанций (в т. ч. силовых), опубликованных в 1960–1980-е гг. по японской тематике, исследования о военно-морской разведке империи не встречаются, хотя еще в 1959 г. были изданы мемуары заместителя начальника Разведуправления Военно-морских сил (ВМС) США контр-адмирала в отставке Эллиса Захариса о деятельности разведорганов японского флота на Северо-американском континенте в 1920–1930-х гг.⁴ Исключением стала публикация в 1975 г. в сборнике «Фронт без линии фронта» очерка Б. А. Сыромятникова «Конец шпионского гнезда» о деятельности японской военно-морской миссии в Сэйсине (Чхонджине)⁵. Эпизод с попыткой оперативной группы отдела контрразведки Смерш Тихоокеанского флота (ТОФ) задержать в августе 1945 г. главу этой миссии капитана 1-го ранга Минодзума Дзюндзи впоследствии неоднократно фигурировал в различных сборниках воспоминаний и монографиях, посвященных истории советской военной контрразведки⁶.

Ситуация не изменилась и после распада Советского Союза. Складывается впечатление, что отечественные историки в силу объективных причин не имели возможности исследовать историю становления и развития военно-морской разведки Японии, хотя отдельные аспекты ее работы против СССР нашли отражение в трудах В. П. Ямпольского, Л. И. Вялкова, А. Ю. Цыбина, С. А. Куртинец, А. Е. Куланова, А. М. Буякова, О. В. Шинина, С. В. Тужилина, О. Б. Мозохина и В. Н. Хаустова⁷.

¹ *Вотинов А.* Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1939. С. 12; *Минаев В. Н.* Военно-морская разведка капиталистических стран // *Морской сборник*. 1938. № 8. С. 65.

² *Володин И.* Иностраный шпионаж на советском Дальнем Востоке // *Правда*. 1937. 23 апреля; *Кириллович К. (Звонарев К. К.)* Шпионы некоей державы // *Известия*. 1937. 24 июля; *Минаев В. Н.* Указ. соч. С. 60–73; № 9. С. 70–84.

³ *Звонарёв К. К.* Японская разведывательная служба. М.: Военная академия РККА имени М. В. Фрунзе, 1934.

⁴ *Захарис Э. М.* Секретные миссии / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1959.

⁵ *Сыромятников Б. А.* Конец шпионского гнезда // *Фронт без линии фронта*. М.: Московский рабочий, 1975. С. 454–464.

⁶ *Долгополов Ю. Б.* Война без линии фронта. М.: Воениздат, 1981; *Остряков С. З.* Военные чекисты. М.: Воениздат, 1979; *Иванов Ю. И.* Двенадцать атак // *Военные контрразведчики*. М.: Воениздат, 1978. С. 405–414.

⁷ *Ямпольский В. П.* «Наша контрразведка в Маньчжурии... почти равна нулю» // *Военно-исторический журнал*. 2002. № 3. С. 13–17; *Он же.* «... Не хочешь находиться в тюрьме – изъяви желание сотрудничать с разведкой» // *Военно-исторический журнал*. 2001. № 12. С. 29–33; *Он же.* «Тактика хамелеона» в действиях японских спецслужб на Дальнем Востоке // *Военно-исторический журнал*. 2003. № 4. С. 26–31; *Он же.* Там, на Востоке... // *Тайные страницы истории: Сборник*. М.: ЛГ Информ-эйшн Групп; АСТ, 2000. С. 361–388; *Цыбин А. Ю.* Выявление и пресечение японского шпионажа дальневосточными чекистами в 1922–1934 годах // *Исторические чтения на Лубянке*. 2007 год. М.: Кучково поле, 2008. С. 100–110; *Куртинец С. А.* Разведывательная деятельность японских консульств на советском Дальнем Востоке (1922–1931) // *Вестник ДВО РАН*. 2011. № 1. С. 28–35; *Он же.* Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 4. С. 115–125; *Куланов А. Е.* Роман Ким. М.: Молодая гвардия, 2016; *Буяков А. М., Шинин О. В.* Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. М.: Кучково поле; Беркут, 2013; *Мозохин О. Б., Тужилин С. В.* Борьба спецслужб СССР и Японии в годы Второй Мировой войны. М.: Вече, 2020; *Хаустов В. Н., Самуэльсон Л.* Сталин,

Пожалуй, единственная попытка оценить результаты противостояния военно-морской разведки Японии и отечественных спецорганов была предпринята в 2010-е годы авторским коллективом В. С. Христофорова, А. П. Черепкова и Д. Ю. Хохлова⁸. Центральной фигурой основательного исследования стал уже упомянутый резидент МГШ в Сэйсине капитан 1-го ранга Минодзума Дзюндзи, биография которого достаточно широко освещалась в российской печати и по телевидению⁹. Однако из этой работы, как и из двух сборников, посвященных 70- и 80-летию образования органов военной контрразведки ТОФ, сложно понять, насколько результативно чекисты боролись с японским военно-морским шпионажем в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1925–1945)¹⁰. Нет однозначного ответа на этот вопрос и в публикациях авторов, которые в последнее время целенаправленно изучают деятельность органов военной контрразведки по ТОФ¹¹.

В этой связи характерно, что в изданном в 2013 г. под руководством Министерства обороны Российской Федерации шестом томе «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» фундаментального 12-томника «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» большая часть материалов посвящена противодействию советских органов госбезопасности японской военной разведке, в то время как о военно-морской разведке империи упоминается в контексте розыска ее резидента в Сэйсине капитана 1-го ранга Минодзума и озвученной в 2012 г. истории об агентурной разработке Особым отделом ТОФ сотрудника рыбопромышленной фирмы «Нитиро гёгё кабусики кайся» на Камчатке Оцука¹².

Основоположителем научного изучения истории деятельности японской военно-морской разведки и императорского флота в нашей стране стал кандидат исторических наук А. В. Полутков (г. Владивосток). В защищенной в 2011 г. диссертации «Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне русско-японской войны 1904–1905 гг.» он впервые в отечественной историографии рассмотрел процесс становления разведывательных органов императорского флота, их взаимодействие с военной разведкой, Министерством иностранных дел (МИД), торговыми и транспортными организациями Страны восходящего солнца в работе против нашей страны, результаты деятельности японских спецслужб по информационному обеспечению военной кампании. Также впервые в российской историографии А. В. Полутков ввел в научный оборот большой объем ранее неизвестных документов из японских и отечественных архивов, включая «Совершенно секретную историю войны на море 37–38 гг. Мэйдзи». В своих более поздних исследованиях владивостокский историк коснулся деятельности японской военно-морской разведки против СССР в 1918–1945 гг., и многие из

НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

⁸ Христофоров В. С., Черепков А. И., Хохлов Д. Ю. Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: Исторические очерки и архивные документы. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы; ОАО «Московские учебники», 2010; *Они же*. Контрразведка ВМФ СССР. 1941–1945. М.: Вече, 2015.

⁹ Вольнец А. Н. «Черная переправа». 75 лет со дня подвига контрразведчика Тихоокеанского флота // Дальний Восток – ТАСС. 2020. 19 августа; Гурко Ф. И. Янковский – агент ЦРУ // Владивосток. 2002. № 1104; *Он же*. Расстрелять и реабилитировать // Владивосток. 2002. № 1186.

¹⁰ Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002; Честь и верность. 80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота (1932–2012). Владивосток: Русский остров, 2012.

¹¹ Куваев Д. В. Контрразведывательное обеспечение Тихоокеанского флота накануне Второй Мировой войны // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 12–2. С. 9–14; *Он же*. Тайная диверсии на подводной лодке Щ-138 // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы Международной научно-практической конференции (Омск, 23 ноябр. 2017 г.). Омск: Издательство ОмГТУ, 2017. С. 115–121; *Он же*. Участие органов военной контрразведки Смерш в десантной операции Тихоокеанского флота // Лубянские чтения-2023. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 1 декабря 2023 г. М.: Войсковая часть 33965, 2024. С. 307–313.

¹² Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. С. 181–182, 733–734.

поставленных им вопросов, на которые автор, к сожалению, не успел дать ответы, будут раскрыты на страницах предлагаемой читателю книги¹³.

В *европейской и американской историографии* фактическое изучение истории японской военно-морской разведки началось после Второй мировой войны, когда в распоряжении американских оккупационных властей оказались ее руководящие сотрудники, а также документы МИД, МГШ и Военно-морского министерства Японии. Уже в апреле 1946 г. Управление стратегических бомбардировок США подготовило закрытое исследование «Японская военная и военно-морская разведки», подробно описывавшее организацию, формы, методы и результат деятельности разведслужбы императорского флота накануне и в ходе Тихоокеанской кампании (1941–1945)¹⁴.

Классическим трудом по истории ВМФ Японии и его разведорганов стала коллективная монография Дэвида Эванса и Марка Питти «Кайгун: стратегия, тактика и технологии императорского флота Японии, 1887–1941». В ней исследователи провели детальный анализ процесса становления ВМФ Японии, развития его оперативного искусства и судостроения, показали роль флотской разведки в выработке морской доктрины империи и достижении паритета с крупнейшими мировыми державами¹⁵.

История разведорганов японского флота с 1900 по 1945 г., особенно в контексте их взаимоотношений с разведками Великобритании и Германии, исследована в работах американского японоведа Джона Чэпмэна¹⁶. Однако, как и в случае с отечественной исторической наукой, обобщающий труд о деятельности военно-морской разведки Японии в 1923–1945 гг. на Западе еще не написан, а уже имеющиеся работы акцентируют внимание главным обра-

¹³ Полутов А. В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне русско-японской войны 1904–1905 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, 2011; Вялков Л. И., Полутов А. В. Маньчжурский плацдарм. Деятельность японской разведки против СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг. // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2002. С. 112–145; Полутов А. В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток: Русский остров, 2009; Он же. Пребывание Хиросэ Такэо в Санкт-Петербурге (1897–1902 гг.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.). Т. 2. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 160–165; Он же. О новом источнике по истории русско-японской войны на море 1904–1905 гг. // Россия и АТР. 2007. № 1. С. 188–190; Он же. Деятельность японской разведки во Владивостоке (1875–1902 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 215–228; Он же. Разведывательная деятельность коммерческого агентства Японии во Владивостоке накануне Русско-японской войны // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 100–106; Он же. К вопросу о возможности прорыва эскадры адмирала Рожественского через пролив Цугару // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 162–170; Он же. Секретные английские военные поставки в Японию во время русско-японской войны // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времён до начала XX века: Сборник научных статей. Вып. 1. Владивосток: Дальнаука, 2010. С. 333–351; Он же. Военно-морской флот Японии в Великой войне: от Тихого океана до Средиземного моря // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXIX. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 132–156; Он же. Перевозка российского золота на кораблях японского военно-морского флота из Владивостока в Японию и Канаду в 1916–1917 гг. // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. XXVI. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 156–181; Он же. Деятельность японской разведки против России и СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг. // Честь и верность. 80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота (1932–2012). Владивосток: Русский остров, 2012. С. 112–137; Он же. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–1945 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего. Материалы научно-теоретической конференции. 3–4 февраля 2003 г. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2003. С. 54–64; Он же. Японские военные миссии в Маньчжурии, Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2012. № 4. С. 71–84.

¹⁴ The United States Strategic Bombing Survey (Pacific). Japanese Military and Naval Intelligence Division. Washington: United States Government Printing Office, 1946. – 124 p.

¹⁵ Evans D., Peattie M. Kaigun: Strategy, Tactics, and Technology in the Imperial Japanese Navy, 1887–1941. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 1997. – 661 p.

¹⁶ Chapman John W. M. Britain, Japan and the «Higher Realms of Intelligence», 1900–1918 // The History of Anglo-Japanese Relations, 1600–2000. Volume III: The Military Dimension. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. P. 71–87; Ibid. Japanese Intelligence 1918–1945: A Suitable Case for Treatment // Intelligence and International Relations 1900–1945. Exeter: Exeter University Press, 1987. P. 145–190; Ibid. The Imperial Japanese Navy and the North – South Dilemma // Barbarossa: The Axis and the Allies. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994. P. 150–206; Ibid. Ultrnationalism in German – Japanese Relations, 1930–45: from Wencker to Sasakawa. Folkestone: Global Oriental, 2011; Ibid. Tricycle recycled: Collaboration among the secret intelligence services of the Axis states, 1940–41 // Intelligence and National Security. Vol. 7, No. 3 (1992). P. 268–299.

зом на ее участии в Тихоокеанской кампании Второй Мировой войны¹⁷. При этом отдельным направлением исследований выступает изучение истории дешифровально-радиоразведывательной службы ВМФ Японии¹⁸.

В японской историографии изучение деятельности военно-морской разведки империи против нашей страны в рассматриваемый период носит ограниченный характер и концентрируется в основном на событиях 1904–1905 гг. Другие эпизоды российского (советского) военно-морского противостояния прошли практически мимо внимания японских исследователей из-за отсутствия длительных и, главное, результативных для Токио военных столкновений с Москвой, в то время как разведывательное обеспечение действий императорского флота на Тихоокеанском театре в 1940–1945 гг. по-прежнему вызывает полемику в японской научной среде.

К числу обобщающих трудов следует отнести монографию полковника в отставке Арига Цутао «Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность». В ней автор сосредоточил внимание на процессах формирования и функционирования разведслужб Генерального и Морского генерального штабов после т. н. «маньчжурского инцидента» (1931)¹⁹. Другой японский историк – Котани Кэн – в своей работе «Японская разведка во Второй Мировой войне» подробно изучил деятельность военно-морской разведки империи в 1939–1945 гг. главным образом на Тихоокеанском театре²⁰. Деятельность разведорганов флота в контексте подготовки Японии к столкновению с США рассматривается в работах капитана 2-го ранга Кусуноки Коити, капитана 1-го ранга в отставке Санэмацу Юдзуру и бывшего начальника 3-го (разведывательного) отделения МГШ (1932) адмирала Симада Сигэтаро²¹.

Большой объем фактического материала об организационно-штатной структуре Разведуправления МГШ, руководителях его зарубежного разведаппарата и подробные послужные списки сотрудников содержатся в «Биографическом справочнике офицеров японского флота», «Справочнике по организационно-штатной структуре японского флота», «Полной энциклопедии японской армии и флота» и «Общем обзоре личных дел генералов и адмиралов японской армии и флота. Раздел «Военно-морской флот»²².

¹⁷ Barnhart M. Japanese Intelligence before the Second World War: «Best Case» Analysis // *Knowing One's Enemies: Intelligence Assessment before the Two World Wars*. New Jersey: Princeton University Press, 1986. P. 424–455; Judge Sean M. The Turn of the Tide in the Pacific War: Strategic Initiative, Intelligence, and Command, 1942–1943. Lawrence, University Press of Kansas, 2018; Drabkin R. Beverly Hills Spy: The Double-Agent War Hero Who Helped Japan Attack Pearl Harbor. New York: Harper Collins, 2024; Drabkin R., Hart B. W. Agent Shinkawa Revisited: The Japanese Navy's Establishment of the Rutland Intelligence Network in Southern California // *International Journal of Intelligence and CounterIntelligence* 35, No. 1 (2022). P. 31–56; Drabkin R., Kusunoki K., Hart B. W. Agents, attachés, and intelligence failures: The Imperial Japanese Navy's efforts to establish espionage networks in the United States before Pearl Harbor // *Intelligence and National Security*. September 22 (2022). P. 1–18.

¹⁸ Kahn D. The Codebreakers: The Story of Secret Writing. New York: Macmillan, 1967; Prados J. Combined Fleet Decoded: The Secret History of American Intelligence and the Japanese Navy in World War II. New York: Random House, 1995; Beath E. Radio Intelligence in Japanese and American North Pacific Naval and Air Operations // *Cryptologic Quarterly*. Vol. 9, No. 2 (1990). P. 63–95; Drea E. Reading Each Other's Mail: Japanese Communications Intelligence, 1920–1941 // *Journal of Military Affairs*. Vol. 55 (April 1991). P. 185–205; Krebs G. Signal Intelligence in the Pacific War // *Journal of Intelligence History*. Vol. 1, № 2 (Winter 2001). P. 149–168.

¹⁹ Арига Ц. Нихон рикукайгун-но дзёхо кико то соно кацудо. – Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность. Токио: Киндай Бунгэйся, 1994.

²⁰ Kotani K. Japanese intelligence in World War II. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2009.

²¹ Кусуноки К. Нихон кайгун гунрэйбу-но тайгай дзёхо кино: тайхэйё сэнсо кайсэнго-ни окэру дайсамбу-но «кино махи»-но мондай-о тюсин-ни = Разведывательные возможности Морского генерального штаба Японии: о проблеме «паралича работы» 3-го управления после начала Тихоокеанской войны // Сэнряку кэнкю. 2015. Дай 16 го. С. 67–86; Он же. Нихон кайгун-но дзёхокан: бэйкайгун-то-но хикаку-но ситэн кара: 1884 нэн – WWII = Взгляд на разведку императорского флота Японии: с точки зрения сравнения с американским флотом: 1884 год – Вторая Мировая война // Дзёхоси кэнкю. 2016 нэн 9 гацу. Дай 8 го. С. 1–23; Санэмацу Ю. Дзёхо сэнсо = Война разведок. Токио: Тосё сюппанся, 1972; Кайгун тайсё Симада Сигэтаро бибороку, никки I: бибороку дай 1 – дай 5 = Записные книжки и дневники адмирала императорского флота Симада Сигэтаро I: записные книжки № 1–5. Токио: Кинсэйся, 2017.

²² Нихон кайгун сикан соран = Биографический справочник офицеров японского флота. Токио: Касива сёбо, 2003; Нихон кайгун хэнсэй дзитэн = Справочник по организационно-штатной структуре японского флота. Токио: Фуё сёбо, 2003; Нихон

Отдельным пластом исследований выступает история службы радиоразведки и криптоанализа флота, которая в отличие от ее армейского аналога не подчинялась начальнику военно-морской разведки Японии. Становление дешифровальных органов нашло отражение в воспоминаниях и исследованиях Ёкои Тосиюки, Номура Хисаси, Мияути Канъя, Накамута Кэнъити и Самэдзима Сунао²³.

Кроме того, вопросы влияния информации разведывательных органов флота на строительство ВМС, военное планирование Японии и выработку ею внешнеполитического курса в отношении СССР в 1923–1945 гг. рассмотрены в изданной военно-исторической службой Управления национальной обороны Японии «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» и в первых четырех томах 11-томной «Истории японского военно-морского флота»²⁴.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что, несмотря на наличие в отечественной и зарубежной исторической науке исследований о деятельности военно-морской разведки Японии против СССР, период с 1923 по 1945 г. изучен недостаточно полно и нуждается в специальном рассмотрении.

Поэтому выносимая на суд читателей книга представляет собой первое в нашей стране комплексное исследование по истории деятельности органов военно-морской разведки Японии на советском направлении во второй четверти XX в., написанное в сопоставлении российских, японских, немецких и американских первоисточников. Хронологические рамки работы охватывают период с 1923 по 1945 г. Нижний рубеж связан с образованием Советского Союза и началом деятельности флотской разведки против нашей страны с позиций Владивостока, а капитуляция императорских вооруженных сил в сентябре 1945 г. обусловила верхнюю границу, хотя в ряде случаев хронологические рамки сдвигаются, что вызвано необходимостью проследить отдельные аспекты становления и развития разведывательных органов японского флота.

Территориальные рамки книги в основном ограничены Японией, Китаем, Кореей, Маньчжурией и Советским Союзом, однако в некоторых параграфах для всестороннего рассмотре-

рикукайгун сого дзитэн = Полная энциклопедия японской армии и флота. Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1991; Рикукайгун сёкан дзиндзи соран рикугун хэн = Общий обзор личных дел генералов и адмиралов японской армии и флота. Раздел «Военно-морской флот». Токио: Фую сёбо, 1981.

²³ Ёкои Т. Нихон-но кимицусицу = Японский «чёрный кабинет». Токио: Рокумэйся, 1951; Номура Х. Дзёхосэн-дэ ябурэ-эта тэйкоку кайгун = Поражение японского военно-морского флота в войне разведок // Рэкиси то дзимбуцу. Тайхэйё сэнсо сиридзу, дзицуроку нихонрэки. Кайгун-но татакай. Токио: Тюо коронся, 1985. С. 337–365; Мияути К. Ниитакаяма ноборэ 1208: цуисэки сэнки. Нихон кайгун-но анго фу нихон рикугун-но анго = «Восхождение на гору Ниитака 1208»: по следам истории войны. Шифры военно-морского флота и армии Японии. Токио: Роко сюппан, 1975; Накамута К. Дзёхо сикан-но кайсо: дайнидзи тайсэн-ни окэру кайгун-но цусин тёхо = Воспоминания офицера разведки: радиоразведка военно-морского флота Японии во время Второй Мировой войны. Токио: Дайямондося, 1974; Самэдзима С. Мото гунрэйбу цусин катё-но кайсо = Воспоминания бывшего начальника отдела связи Морского генерального штаба. Токио: Гэнгунрэйбу цусин катё-но кайсо канкокай, 1981.

²⁴ Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Дай 10. Хаваи сакусэн = Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 10. Гавайская операция. Токио: Асагумо симбунся, 1967; Т. 20. Дайхонъэй рикугумбу. 2. Сёва 16 нэн 12 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 2. События до декабря 1941 г. Токио: Асагумо симбунся, 1968; Т. 29. Хокүто хомэн кайгун сакусэн = Боевые действия флота на северо-восточном направлении. Токио: Асагумо симбунся, 1969; Т. 31. Кайгун гунсэмби. 1. Сёва 16 нэн 11 гацу мадэ = Приготовления военно-морского флота к войне. 1. До ноября 1941 г. Токио: Асагумо симбунся, 1969; Т. 35. Дайхонъэй рикугумбу. 3. Сёва 17 нэн 4 гацу мадэ = Армейское управление Императорской верховной ставки. 3. События до апреля 1942 г. Токио: Асагумо симбунся, 1970; Т. 45. Дайхонъэй кайгумбу. Сого кантай 6. Дайсандан сакусэн коки = Управление флота Императорской верховной ставки. 6. Вторая половина третьего этапа боевых действий. Токио: Асагумо симбунся, 1971; Т. 85. Хондо хомэн кайгун сакусэн = Боевые действия флота в метрополии. Токио: Асагумо симбунся, 1975; Т. 91. Дайхонъэй кайгумбу. Сого кантай. 1. Кайсэн мадэ = Управление флота Императорской верховной ставки. Объединенный флот. 1. События до начала войны. Токио: Асагумо симбунся, 1975; Т. 93. Дайхонъэй кайгумбу. Сого кантай. 7. Сэнсо сайсюки = Управление флота Императорской верховной ставки. Объединенный флот. 7. События конца войны. Токио: Асагумо симбунся, 1976; Т. 101. Дайтоа сэнсо кайсэн кэйи (2) = Обстоятельства, приведшие к возникновению войны в Великой Восточной Азии (2). Токио: Асагумо симбунся, 1979; Т. 104. Кайгун нэндо сакусэн кэйкаку = Ежегодные оперативные планы военно-морского флота. Токио: Асагумо симбунся, 1986; Нихон кайгунси. Дай 1–4 кан = История военно-морского флота Японии. В 11 т. Т. 1–4. Токио: Кайгун рэкиси ходзонкай, 1995.

ния затронутой проблематики они включают Европу, Ближний Восток, Северную и Южную Америку.

При подготовке исследования было использовано большое количество разнообразных источников, главным образом опубликованных материалов и ранее не вводившихся в научный оборот архивных документов на русском, немецком, английском и японском языках.

Опубликованные источники условно поделены на две группы. К *первой* группе относятся сборники договоров и дипломатических документов, касающиеся Дальнего Востока, справочные материалы о состоянии и оперативном планировании ВМФ Японии и Вооруженных Сил СССР, сборники дешифрованной американской службой криптоанализа переписки японского генерального консульства во Владивостоке о ТОФ, документов немецкой военной разведки о взаимодействии с японцами, рассекреченных архивных материалов советских органов госбезопасности и следственных дел арестованных сотрудников и агентов противника²⁵.

Вторую группу составляют источники личного происхождения – воспоминания сотрудников японской военно-морской разведки. Среди них – мемуары начальника 1-го (оперативного) управления МГШ контр-адмирала Томиока Садатоси, начальника 7-го (советского) отдела капитана 1-го ранга Ямагути Сутэдзи и сотрудника 5-го (американского) отдела 3-го управления МГШ капитана 1-го ранга Санэмцу Юдзуру²⁶.

Архивную базу книги составили три группы рассекреченных материалов Центрального архива ФСБ России, Архива Управления ФСБ по Омской области, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного военного архива,

²⁵ Кайгун оёби кайдзи ёран. Сёва 6 нэмпан = Справочник по военно-морским флотам и морскому делу. Издание 1931 года. Токио: Юсюкай, 1931; Кайгун ёран = Справочник по военно-морским флотам. Токио: Кайгун юсюкай, 1939; Кайгун ёран = Справочник по военно-морским флотам. Токио: Кайгун юсюкай, 1941; Кайгун сэйдо энкаку. Хи. Кан 2 = Развитие организации ВМФ. Т. 2. Токио: Кайгун дайджин камбо, 1941; Рэккоку кайгун гэндзё санкодзукхё. Сёва 13 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы по иностранным военно-морским флотам, изданные 30 ноября 1938 г. Токио: Кайгунсё, 1938; Рэккоку кайгун гэндзё санкодзукхё. Сёва 15 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы по иностранным военно-морским флотам, изданные 30 ноября 1940 г. Токио: Кайгунсё, 1940; Санкоёдзукхё. Сёва 6 нэн 11 гацу хацука тёсэй = Справочные таблицы, подготовленные 20 ноября 1931 г. Токио: Кайгунсё, 1932; Санкоёдзукхё. Сёва 7 нэн 11 гацу 30 нити тёсэй = Справочные таблицы, подготовленные 30 ноября 1932 г. Токио: Кайгунсё, 1933; Санкоёдзукхё. Сёва 8 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы, изданные 30 ноября 1933 г. Токио: Кайгунсё, 1934; Санкоёдзукхё. Сёва 9 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы, изданные 30 ноября 1934 г. Токио: Кайгунсё, 1934; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 1 января – 31 декабря 1945 г. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1947; Документы внешней политики СССР. Том 20. М.: Издательство политической литературы, 1976; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1 (Крушение «блицкрига» (1 января – 30 июня 1942 г.)). М.: Русь, 2003; Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией: Сборник документов. М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле, 2020; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 т. М.: ИРИ РАН, 2001–2017; Боевой и численный состав Вооружённых сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М.: Институт военной истории, 1994; Перечень № 20 органов управлений, соединений, кораблей, частей и учреждений Тихоокеанского флота и Северо-Тихоокеанской флотилии, входивших в состав Действующей армии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Приложение к директиве Генерального штаба от 2 апреля 1960 г. № 170183. М.: Б/и, 1960; 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М.: Международный фонд «Демократия», 1998; Русский архив: Великая Отечественная война. Советско-японская война. 18 (7–1). Советско-японская война 1945 г. История военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы: Документы и материалы в 2 т. М.: ТЕРРА, 1997; Показания Минодзума Дзюндзи, написанные им собственноручно 4 ноября 1945 г. во Владивостоке на русском языке (извлечения) // Честь и верность. 80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота. Владивосток: Русский остров, 2012. С. 182–188; Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № 222-Н23–2сс от 29 марта 2023 г.; Ямпольский В. П. О чем умолчал гросс-адмирал Карл Дёниц (из доклада немецкого военно-морского атташе в Москве в Генеральный штаб германской армии о состоянии военно-морского флота СССР 30 апреля 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 1994. № 2. С. 65–72; The «Magic» Background of Pearl Harbor. Volume II–III. Appendix. Washington: Department of Defense of the United States of America, 1977–1978; Das Amt Ausland / Abwehr im Oberkommando der Wehrmacht. Eine Dokumentation. Koblenz: Bundesarchiv, 2007. – 606 s.

²⁶ Томиока С. Политическая стратегия Японии до начала войны: монография / Пер. с англ. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Ямагути С. Дай 2 дзитайсэн то сорэмпо = Вторая Мировая война и Советский Союз // Кайгун-о омоу. Кокэйся-но тамэ ни цутаэнокоситай кото. Токио: Кайдзё дзитай камбу гакко хэнсан, 1984. С. 7–1–7–4; Санэмцу Ю. Нихон кайгун то дзёхо = Военно-морской флот Японии и разведка // Кайгун-о омоу. Кокэйся-но тамэ ни цутаэнокоситай кото. Токио: Кайдзё дзитай камбу гакко хэнсан, 1984. С. 15–1–15–3.

Архива Президента Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Камчатского края²⁷.

В *первую группу* вошли добытые, дешифрованные советскими криптоаналитиками и захваченные в ходе Второй Мировой войны оперативными группами органов госбезопасности и частями Красной армии служебные документы разведывательных органов Японии и Германии.

Вторую группу составили нормативно-правовые документы органов государственной власти СССР по укреплению административного, контрразведывательного и пограничного режимов на советском Дальнем Востоке.

К *третьей группе* относятся архивные документы о создании и развитии Морских сил Дальнего Востока (МСДВ) – ТОФ.

Кроме того, при написании книги были использованы три группы материалов на японском языке, хранящиеся в архиве Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны, архиве Министерства иностранных дел и Национальном архиве Японии²⁸.

К *первой* относятся решения высшего руководства Японии относительно военной доктрины и порядка применения национальных вооруженных сил, документы оперативного планирования МГШ, материалы центральных органов военного управления и государственной власти с оценкой международной и военно-политической обстановки.

Во *вторую группу* вошли документы Военно-морского министерства и МГШ о задачах, структуре центрального аппарата, организации деятельности зарубежных резидентур флотской разведки и выполнении разведывательных заданий боевыми кораблями ВМФ Японии у советского побережья.

Третья группа включает доклады заграничных аппаратов военно-морской разведки и дипломатических миссий, разведывательные материалы МГШ о боевой деятельности МСДВ – ТОФ, справочные материалы различных органов и учреждений ВМФ Японии о советских ВМС и Красной армии.

Помимо документов из российских и японских архивохранилищ в книге использованы материалы из архивов Германии и США.

²⁷ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Фонды 2, 3; Архив Управления ФСБ России по Омской области (Архив УФСБ России по Омской области). Фонды 91, 92; Архив УФСБ России по Саратовской области. Фонд 14; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 17 (Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)), фонд 82 (Молотов (наст. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986)), фонд 558 (Сталин Иосиф Виссарионович (1878–1953)), фонд 644 (Государственный комитет обороны СССР); Российский государственный военный архив (РГВА). Фонд 4 (Управление делами при Народном комиссаре обороны СССР); Архив Президента Российской Федерации. Фонд 3 (Политбюро (Президиум) ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС); Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Фонд 500 (Коллекция документов трофейного фонда); Государственный архив Камчатского края. Фонд П-1199.

²⁸ Национальный архив Японии. Фонд «Документы Палаты большого государственного совета и правительства». Описи «Различные информационные материалы», «Дела о награждении»; Фонд «История финансов». Опись «Материалы по истории финансов»; Фонд «Возврат документов (бывших сухопутных войск и военно-морского флота)». Опись «Возврат документов»; Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (НИИО МНО) Японии. Фонд «Собрание документов Военного министерства». Описи «Большой дневник. Серия “Б”», «Корейский инцидент», «Секретный большой дневник»; Фонд «Исторические материалы секции сухопутных войск». Описи «Центральные органы», «Библиотека Миядзаки»; Фонд «Официальные документы и заметки Военно-морского министерства». Опись «10 Официальные документы, заметки и прочее»; Фонд «Исторические материалы секции военно-морского флота». Описи «0 Законы», «1 Центральные органы», «3 Война в Великой Восточной Азии», «4 Боевые корабли, сухопутные части», «5 Авиация», «9 Библиотека»; Архив МИД Японии. Фонд «1. Политика». Опись «6. Внутренняя политика иностранных государств»; Фонд «2. Договоры». Опись «3. Парижские мирные соглашения (1918 год)»; Фонд «6. Кадровые вопросы». Опись «1. Государственный аппарат, государственная служба»; Фонд «А. Политика, дипломатия». Описи «4. Территории», «5. Внутренняя политика империи», «6. Внутренняя политика иностранных государств», «7. Войны»; Фонд «Е. Финансы, экономика, промышленность, внешняя торговля». Опись «4. Промышленность»; Фонд «F. Транспорт, связь». Опись «1. Транспорт»; Фонд «M. Государственный аппарат, государственная служба». Опись «2. Государственная служба».

Документальные материалы о взаимодействии разведывательных органов Японии и Третьего рейха против СССР в 1936–1945 гг. обнаружены в фондах «Верховное командование сухопутных войск / Генеральный штаб сухопутных войск» («RH 2 (OKH / Generalstab des Heeres)»), «Руководство войной на море ВМФ Германского рейха» («RM 7 (Seekriegsleitung der Kriegsmarine)»), «Группа военно-морских атташе ВМФ Веймарской республики и Германского рейха» («RM 11 (Marineattachégruppe der Reichsmarine und Kriegsmarine)») и «Военно-морские атташе ВМФ Веймарской республики и Германского рейха» (RM 12-II («Marineattachés der Reichsmarine und Kriegsmarine»)) Федерального военного архива Германии («Bundesarchiv – Militärarchiv»)²⁹.

Большой объем материалов по теме исследования выявлен в Национальном архиве США. В фондах «Офис начальника Оперативного управления ВМФ» (Record Group 38), «Изучение стратегических бомбардировок США» (Record Group 243) и «Центральное разведывательное управление» (Record Group 263) отложились протоколы допросов бывших сотрудников японской военно-морской разведки, а также справочные материалы о разведывательной деятельности МГШ Японии и разведорганов нацистской Германии накануне и в годы Второй Мировой войны³⁰.

Все даты приводятся по григорианскому календарю (новому стилю). Современные названия населенных пунктов указаны в скобках.

В связи с неоднократными изменениями названий военно-морская разведка Японии далее для краткости будет именоваться «Разведывательное управление Морского генерального штаба» (РУ МГШ).

Авторы благодарят за помощь в написании книги своих родителей, д.и.н. Ю. С. Пестушко, д.и.н. Е. Е. Аурилене, д.и.н. О. Б. Мозохина, [к.и.н. А. В. ПолUTOва], к.т.н. С. С. Близниченко, В. Г. Зорихина, Т. В. Тужилину, В. В. Овсянникова, В. К. Азаревича, А. С. Колесникова, С. А. Куртинец, А. Е. Куланова, доктора наук Здзислава Капера, А. А. Кириченко, М. М. Зензину.

²⁹ Bundesarchiv – Militärarchiv (BAMA). RH 2 (OKH / Generalstab des Heeres); RM 7 (Seekriegsleitung der Kriegsmarine), RM 11 (Marineattachégruppe der Reichsmarine und Kriegsmarine); RM 12-II (Marineattachés der Reichsmarine und Kriegsmarine).

³⁰ The National Archives and Records Administration (NARA). Record Group 38 (Records of the Office of the Chief of Naval Operations); Record Group 243 (Records of the U.S. Strategic Bombing Survey), Record Group 263 (Records of the Central Intelligence Agency).

Глава 1. Военно-морское соперничество Японии и СССР в 1923–1940 гг.

§ 1. Хрупкий баланс (1923–1935)

Становление разведывательных органов японского флота неразрывно связано с начавшейся в 1867 г. реставрацией Мэйдзи, которая положила конец существованию отсталой аграрной страны и стала прологом к ее превращению в регионального лидера. Отстаивая право на ведение активной внешней политики в сферах своих национальных интересов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), Япония в 1869 г. взяла курс на создание мощного военно-морского флота.

Возникновение разведывательной службы ВМФ Японии датируется 14 апреля 1872 г., когда в рамках только что образованного Военно-морского министерства начало действовать бюро переводов. Месяц спустя оно было упразднено, и разведка на правах документационной группы вошла в состав секретариата министерства. Назвать в полном смысле этого слова «добывающим» органом бюро и группу было нельзя, так как они занимались только обработкой поступавшей к ним информации, не имея права вести самостоятельную разведывательную деятельность за рубежом.

На протяжении последующих 32 лет японская военно-морская разведка многократно меняла названия и ведомственную принадлежность, однако оставалась относительно малочисленным подразделением ВМФ: после очередной реорганизации в преддверии неизбежной войны с Российской империей 6 января 1904 г. 3-е (разведывательное) отделение МГШ насчитывало всего 5 штатных сотрудников в звании «капитан 3-го ранга – капитан 1-го ранга» и 11 гражданских специалистов. Кроме того, начальнику МГШ подчинялись 10 прикомандированных офицеров и гражданских специалистов, а также 8 военно-морских атташе (ВМАТ)³¹.

После триумфального завершения кампании 1904–1905 гг. военно-политическое руководство империи пересмотрело сильные и слабые стороны своих ВМС и в рамках их модернизации реформировало центральные органы военного управления флота. Разведывательные функции в МГШ 21 декабря 1905 г. перешли от 3-го отделения к 4-му. При этом численность аппарата военно-морской разведки и его задачи были расширены: теперь флотская разведслужба насчитывала не 5, а 7 офицеров, а вместо сбора и оценки информации о военном потенциале стран АТР стала отвечать за ведение разведки по всему миру. В ходе следующей реформы центральных органов военного управления флота 1 декабря 1916 г. штаты военно-морской разведки, снова ставшей 3-м отделением МГШ, увеличились с 18 до 29 сотрудников, в ее составе появились 5-й (изучение флотов основных стран) и 6-й (издание военной литературы и изучение военной истории) отделы. Задачи организации радиоразведки и шифросвязи на флоте были возложены на 4-й отдел 2-го отделения МГШ. Численность ВМАТ в 1905–1916 гг. осталась прежней (8 чел.)³².

Несмотря на активное участие императорского флота в интервенции на советском Дальнем Востоке (1918–1922), начало 1920-х гг. военно-морская разведка Японии встретила в том же виде, в каком она существовала с декабря 1916 г.: 3-е отделение МГШ состояло из 5-го отдела, отвечавшего за сбор информации об иностранных вооруженных силах, и 6-го, отвечавшего за редакционно-издательскую деятельность и изучение военной истории. Численность

³¹ Кайгун сэйдо энкаку. Хи. Кан 2 = Развитие организации ВМФ. Т. 2. Токио: Кайгун дайджин камбо, 1941. С. 934.

³² Там же. С. 933–935, 942–944.

штатных сотрудников сократилась с 29 до 24 чел., однако количество ВМАТ и их помощников возросло с 8 до 14 чел.³³

Однако организация разведслужбы, при которой агентурная разведка по флотам всех стран сосредоточилась только в одном небольшом подразделении, не отвечала потребностям ВМФ, поэтому по примеру армии 1 декабря 1924 г. МГШ отказался от линейного построения аппарата 3-го отделения и возложил сбор информации по Европе и США на его 5-й отдел, а по СССР, Китаю и изучению военной истории – на 6-й. Задачи по разведке в части, касавшейся СССР, формулировались следующим образом: «Сбор информации о Вооруженных силах, главным образом, о состоянии военно-морского флота и боевой авиации; сбор информации о транспортной инфраструктуре, организации перевозок и связи; сбор информации об организации береговой обороны материка и островов; сбор информации о разведывательной деятельности, важнейших мероприятиях внутренней и внешней политики»³⁴.

Следующая реформа аппарата морской разведки была связана с оккупацией Маньчжурии и сражением за Шанхай (1931–1932), следствием чего стало усиление оперативной деятельности японского флота на Тихоокеанском театре. 10 октября 1932 г. в составе 3-го отделения МГШ появились 5-й (Северная и Южная Америка), 6-й (Китай и Маньчжоу-Го), 7-й (страны Европы) и 8-й (изучение военной истории и издательская деятельность) отделы. Год спустя, 1 октября 1933 г., 3-е отделение было преобразовано в 3-е управление с упразднением 8-го отдела и возложением на начальника разведоргана задачи ведения контрразведки на флоте. Окончательную же структуру аппарат 3-го управления приобрел 1 февраля 1937 г., когда 5-й отдел стал отвечать за разведку в Северной и Южной Америке, 6-й – в Маньчжоу-Го и Китае, 7-й – в СССР и ряде стран Европы, 8-й – в Великобритании, остальных странах Европы и Таиланде³⁵.

В целях сосредоточения усилий военной и военно-морской разведок в условиях начавшейся войны с Китаем в одном органе в ноябре 1937 г. в составе вновь образованной Императорской верховной ставки были развернуты армейское и флотское управления, рабочими аппаратами которых стали Генеральный (ГШ) и Морской генеральный штабы. 3-е (разведывательное) и 4-е (радиоразведки и дешифровки) управления МГШ практически в полном составе вошли во флотское управление. Хотя еще в июне 1936 г. на уровне правительства был образован координационный центр для всех разведслужб – Разведывательный комитет при кабинете министров, наделенный полномочиями оценки поступающих по различным каналам сведений об иностранных вооруженных силах, – с 1940 г. он фактически превратился в пропагандистскую структуру, тогда как 3-е и 4-е управления в рамках флотского управления Ставки непрерывно обеспечивали органы военного планирования всей необходимой информацией, тесно взаимодействуя с армейской разведкой и МИД.

В отличие от разведорганов армии, насчитывавших до оккупации Маньчжурии в 1931–1932 гг. ежегодно в среднем 70 сотрудников центрального аппарата 2-го управления ГШ, а с 1936 г. и вплоть до окончания Второй Мировой войны уже около 100 чел., штатная численность РУ МГШ в межвоенный период и в ходе Второй Мировой войны не превышала 60 чел., из которых организацией и руководством разведывательной деятельностью против нашей страны занимались только 2–4 офицера.

Таблица 1. Штаты центрального аппарата военно-морской разведки Японии в 1922–1941 гг.³⁶

³³ Кайгун сэйдо энкаку. Хи. Кан 2 = Развитие организации ВМФ. Т. 2. Токио: Кайгун дайджин камбо, 1941. С. 944–946.

³⁴ Там же. С. 946–947.

³⁵ Кайгун сэйдо энкаку. Хи. Кан 2 = Развитие организации ВМФ. Т. 2. Токио: Кайгун дайджин камбо, 1941. С. 949–955, 959–962.

³⁶ Кайгун сэйдо энкаку. Хи. Кан 2 = Развитие организации ВМФ. Т. 2. Токио: Кайгун дайджин камбо, 1941. С. 942–962;

Дата	Начальник РУ МГШ	При РУ МГШ	Отделы				ГП ВС	ВМАТ и ПВ- МАТ	Итого (офице- ры)
			5-й	6-й	7-й	8-й			
1.12.1922	1	0	13	3	0	0	7	14	38 (31)
1.12.1924	1	0	10	6	0	0	7	14	38 (31)
7.05.1931	1	0	10	6	0	0	0	15	32 (32)
10.10.1932	1	0	5	4	7	2	0	15	34 (34)
1.10.1933	1	2	8	7	8	0	0	18	44 (44)
1.12.1934	1	3	8	7	8	0	0	18	45 (45)
1.04.1935	1	3	6	6	6	5	0	19	46 (46)
1.02.1937	1	2	6	5	6	4	0	26	50 (50)
30.05.1941	1	7	6	5	6	5	0	28	57 (57)

Малый удельный вес офицеров-русистов среди сотрудников разведорганов МГШ был обусловлен тем обстоятельством, что в отличие от армии флот не рассматривал Советский Союз как основного противника, отводя с 1907 г. эту роль обладавшим более мощными ВМС США и Великобритании. Данная установка была закреплена в принятом в феврале 1923 г. при непосредственном участии премьер-министра Японии адмирала Като Томосабуро «Курсе национальной обороны империи», гласившем в части СССР: «В ближайшем будущем, с точки зрения национальной обороны империи, весьма вероятно столкновение с иностранными государствами, и целью наших военных приготовлений является подготовка к возможной войне с имеющими мощный экономический и военный потенциал США. Что же касается нашей политики в отношении граничащих с нами Китая и России, наряду с проведением мероприятий по налаживанию с ними добрососедских контактов, необходимо постоянно готовить наши Вооруженные силы для оказания на них давления»³⁷.

Поэтому программы развития японского флота с 1923 г. разрабатывались в первую очередь для противодействия ВМС США, а уже потом Великобритании, тогда как Советский Союз в них не фигурировал. Об этом отмечалось в рекомендациях образованного в октябре 1927 г. Комитета по изучению проблемы сокращения военно-морских вооружений под председательством бывшего начальника 3-го отделения МГШ (1922–1923), а на тот момент заместителя начальника МГШ вице-адмирала Номура Китисабуро, которые он представил военно-морскому министру 25 сентября 1928 г.: «Цели военных приготовлений ВМФ империи [до окончания срока действия Вашингтонских морских соглашений в 1936 г.]: во-первых, быть сопоставимыми с ВМФ США как главным противником и с ВМФ Великобритании, а, во-вторых, быть способными противодействовать военно-морской мощи, которую бы использовала на Дальнем Востоке одна из вышеперечисленных стран, а также обеспечить безопасность морских сообщений между метрополией и, как минимум, материковой частью Азии к северу от Тайваньского пролива»³⁸.

Хотя на фоне усилившейся в первой половине 1930-х гг. напряженности в отношениях между Москвой и Токио «Курс национальной обороны» в июне 1936 г. был скорректирован

Архив НИИО МНО Японии. О хорэй кан (бо) ки (мицута)-3 (С18010207400). Л. 0245–0246. ГП ВС – гражданский персонал вооруженных сил. ПВМАТ – помощник военно-морского атташе.

³⁷ Кайгун сэйдо энкаку. Хи. Кан 2 = Развитие организации ВМФ. Т. 2. Токио: Кайгун дайзин камбо, 1941. Бунко-Миядзаки-3 (С14061002700). Л. 0015.

³⁸ Дайтоа сэно кокан сэнси. Дай 31. Кайгун гунсэмби. 1. Сёва 16 нэн 11 гацу мадэ = Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 31. Приготовления военно-морского флота к войне. 1. До ноября 1941 г. Токио: Асагумо симбунся, 1969. С. 350–351.

руководством империи в сторону усиления военных приготовлений против СССР, и в новой редакции главным противником японского флота оставались ВМС США³⁹.

Это обусловило возростающий после Вашингтонской конференции (1922) удельный вес американского направления в деятельности флотской разведки: если в конце декабря 1922 г. в США работало всего 7 резидентов японского флота (2 сотрудника ВМАТ и 5 языковых стажеров) против 13 в Великобритании и 7 в Германии, то уже через год – в январе 1924 г. – их стало 10 (3 сотрудника ВМАТ и 7 стажеров) против 12 в Великобритании и 8 в Германии, а к февралю 1931 г. в США находилось 9 японских офицеров (3 сотрудника ВМАТ и 6 стажеров) против 8 во Франции, 6 в Германии и 5 в Великобритании.

В дополнение к отправке в Америку языковых стажеров РУ МГШ попыталось в 1932 г. развернуть там нелегальную резидентуру для сбора информации об американском флоте и организации связи с агентурой в случае начала войны. Ее возглавил бывший офицер английской морской авиации Фредерик Ратлэнд («Синкава»), завербованный ВМАТ в Великобритании капитаном 1-го ранга Такасу Сиро в 1932 г. Хотя Ратлэнд успешно легализовался в Лос-Анджелесе в 1933 г., организовал несколько коммерческих фирм-прикрытий и завязал знакомства с офицерами американского флота, в октябре 1941 г. он был депортирован в Великобританию, где его арестовали по обвинению в шпионаже, так как английская Школа правительственной связи еще в середине 1930-х гг. начала чтение шифропереписки японского военно-морского атташе в Лондоне с Токио, что послужило основанием для разработки «Синкава» британской и американской контрразведками. Кроме того, вспыхнувшее в январе 1932 г. шанхайское сражение между японской и китайской армиями с участием императорского флота вынудило РУ МГШ направить значительный контингент своих сотрудников в резидентуры в Шанхае, Пекине, Нанкине, Ханькоу и Гуанчжоу⁴⁰. В то же время численность работников РУ МГШ в СССР в 1925–1941 гг. – 2 чел. (ВМАТ и его помощник) – за исключением 1937–1940 гг. оставалась неизменной, так как в отличие от армии флот не стал договариваться с советским правительством о возобновлении взаимных языковых стажировок морских офицеров.

Основным объектом разведывательных устремлений военно-морской разведки Японии на советском направлении в 1922–1945 гг. являлся ТОФ, поскольку в соответствии с утвержденной в феврале 1923 г. «Программой применения Вооруженных сил» в случае возникновения конфликта с СССР императорский ВМФ должен был завоевать господство на Тихом океане, обеспечить транспортные перевозки армии на континент и во взаимодействии с ней захватить Владивосток и другие важнейшие районы. Если же советское командование планировало перебросить свои ВМС из европейской части страны на Дальний Восток, японский флот должен был разгромить их во встречном сражении⁴¹.

С рядом дополнений эти задачи были поставлены флоту в обновленной правительством в июне 1936 г. «Программе применения Вооруженных сил» и разработанном МГШ на ее основе оперативном плане на 1937 г.: изначально уничтожить корабельную группировку ТОФ в Приморье, на Северном Сахалине и Камчатке, авиационную группировку в Уссурийском крае, взять под контроль побережье советского Дальнего Востока, блокировать Корейский, Сангарский, Курильские проливы, пролив Лаперуза, а затем совместно с армией овладеть Владиво-

³⁹ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-10 (С14061005100). Л. 0158–0159; 9 Сонота-касумигасэки-15 (С14121170500). Л. 2063–2067.

⁴⁰ Архив НИИО МНО Японии. 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-25 (С12070284100). Л. 0720–0735; 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-30 (С12070290300). Л. 0069–0100; 0 хорэй-кайгун (нифуку) кохо-50 (С12070330000). Л. 1617–1628; *Kotani K.* Japanese intelligence in World War II. Oxford: Osprey Publishing Ltd, 2009. P. 79–85.

⁴¹ Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-5 (С14061003500). Л. 0031–0033.

стоком, Нижним Приамурьем, Северным Сахалином, бассейном реки Амур и при необходимости высадить десант в Авачинской бухте⁴².

Поэтому основными задачами флотской разведки являлись изучение органов военного управления, корабельной и авиационной группировок ТОФ, его материально-технического обеспечения и мероприятий боевой подготовки, организации системы базирования, связи, береговой, противовоздушной обороны, состояния судостроительных и судоремонтных заводов на Дальнем Востоке, оценка планов модернизации и укрепления советского флота на Тихом океане. Попутно РУ МГШ вело непрерывный сбор информации о Рабоче-крестьянском Красном флоте (РККФ) в целом.

Состояние советского флота на Дальнем Востоке в 1922–1931 гг. было удручающим. После ухода японских экспедиционных войск из Приморья осенью 1922 г. в наследство советским властям практически не досталось боеспособных боевых кораблей, поскольку 24 октября командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Г. К. Старк увел из Владивостока в корейский Гэндзан (Вонсан) и далее в Манилу 38 ее выпелов.

В этой ситуации 17 ноября 1922 г. Реввоенсовет (РВС) СССР учредил должность начальника Морских сил Дальнего Востока с подчинением ему всех флотских формирований на Тихом океане и на Амуре. В состав МСДВ вошли Владивостокский морской отряд судов (1 эсминец «Бравый», 2 миноносца «Лазо» и «Потапенко», 1 посыльное судно), Амурская речная военная флотилия (5 канонерских лодок, 2 бронекатера, 1 посыльное судно), Владивостокский военно-морской порт (1 ледокол, 2 плавкрана, 3 катера), Служба наблюдения и связи, Владивостокская отдельная флотская рота. Численность личного состава МСДВ на 31 декабря 1922 г. составила 1424 чел.⁴³

Боеспособность оставшихся кораблей была крайне низкой: для того, чтобы уничтожить белогвардейские отряды на Камчатке, в районах Охотска и Аяна, командование МСДВ было вынуждено мобилизовать в ноябре 1922 г. – мае 1923 г. в качестве вспомогательных крейсеров пароходы «Главком Уборевич», «Ставрополь», «Индиголка» (последний – без вооружения), а единственный действующий эсминец «Бравый» в 1923 г. был разоружен⁴⁴.

Кроме того, получившие серьезные повреждения во время Гражданской войны 3 эсминца, 7 миноносцев, 5 канонерских лодок и более 10 вспомогательных судов Сибирской флотилии были утилизированы⁴⁵.

Все это вело к фактическому свертыванию деятельности советского флота на Дальневосточном морском театре. Приказом РВС СССР от 28 марта 1924 г. должность начальника МСДВ была совмещена с должностью командира Владивостокского порта, а функции упраздненного штаба Морских сил перешли к его мобилизационно-строевому отделу. 20 июня 1925 г. Владивостокский отряд в составе миноносцев «Лазо», «Потапенко», сторожевых кораблей «Воровский» и «Красный выпел» был передан в оперативное подчинение Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Однако в сентябре того же года «Лазо» и «Потапенко» из-за большого износа механизмов и слабости корпусов были разоружены⁴⁶.

В итоге приказом РВС от 6 сентября 1926 г. МСДВ с 1 октября упразднились, а все силы флота – 2 сторожевых корабля во Владивостоке, 6 канонерских лодок, 3 бронекатера и минный

⁴² Там же. Бунко-Миядзаки-11 (С14061005400). Л. 0173; 9 Сонота-касумигасэки-20 (С14121175400). Л. 0108–0116.

⁴³ Березовский Н. Ю., Березной С. С., Николаева З. В. Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. М.: Воениздат, 1992. С. 498, 518.

⁴⁴ Березовский Н. Ю., Березной С. С., Николаева З. В. Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. М.: Воениздат, 1992. С. 519, 522.

⁴⁵ Там же. С. 519.

⁴⁶ Там же. С. 530–531.

заградитель «Сильный» на Амуре – переподчинялись командующему Амурской речной флотилией, которая в сентябре 1927 г. стала именоваться Дальневосточной военной флотилией⁴⁷.

Об ухудшении ситуации в рассматриваемой сфере своевременно сообщали сотрудники госбезопасности. В частности, в августе 1928 г. начальник дальневосточного управления пограничной охраны и войск ОГПУ Н. В. Кондратьев по результатам проверки состояния работы Камчатского пограничного отряда докладывал, что т. н. сфера разграничения влияния северных границ фактически поделена между двумя внешнеполитическими акторами: «Япония – все западное побережье Камчатского полуострова и восточное до залива Креста. Америка – северная часть Камчатки и все северное побережье до административных границ с Якутией»⁴⁸.

Аналогичная ситуация сложилась и с Владивостокской крепостью: из-за отсутствия у государства средств на содержание крепостных сооружений, вывоза подавляющей части орудий в 1915–1916 гг. на фронты Первой мировой войны, перераспределения остатков в 1923–1925 гг. между Кронштадтом и Севастополем, а также из-за приоритета в развитии железнодорожной артиллерии для обороны морского побережья, в 1920-х гг. она фактически перестала существовать. Лишь в 1929 г. во Владивостоке была сформирована 9-я артиллерийская бригада, для которой к 1931 г. строительными организациями армии были восстановлены 7 береговых батарей⁴⁹.

В связи с отсутствием непосредственной угрозы со стороны Японии в 1922–1931 гг. военно-политическое руководство СССР уделяло приоритетное внимание восстановлению морской мощи на Черном море и Балтике как наиболее вероятных театрах военных действий. Это накладывало отпечаток на принимавшиеся в 1924–1929 гг. кораблестроительные программы: основная доля средств в них ассигновалась на ввод в строй или ремонт боевых кораблей для Морских сил Черного моря (МСЧМ) и Морских сил Балтийского моря (МСБМ), в то время как для Дальнего Востока строительство кораблей класса «эсминец» и выше не планировалось вовсе. Только 13 июня 1930 г. Реввоенсовет СССР утвердил в дополнение к плану развития РККФ от 4 февраля 1929 г. постройку для Дальневосточной военной флотилии к 1933 г. 6 подводных лодок (ПЛ), 3 сторожевых кораблей и 24 торпедных катеров. В результате к началу 1932 г. Советский Союз располагал на Дальнем Востоке 2 сторожевыми кораблями, 4 мониторами, 4 канонерскими лодками, 1 гидроавиатранспортом, 1 минным заградителем и 3 бронекатерами, тогда как ВМФ Японии имел 10 линкоров, 3 авианосца, 27 тяжелых и легких крейсеров, 108 эсминцев и 67 подводных лодок, что было даже несколько меньше закрепленного в «Курсе национальной обороны империи» 1923 г. стандарта боевого состава флота на случай войны: 9 линкоров, 3 авианосца, 40 тяжелых и легких крейсеров, 16 флагманов дивизионов эсминцев и ПЛ, 144 эсминца, 80 субмарин⁵⁰.

Впрочем, реализовывать наступательные планы японские ВМС в то время не собирались, поскольку их среднегодовая штатная численность (примерно 80 000 чел.) и организация – 3 военно-морских района (Курэ, Сасэбо, Йокосука), которым подчинялись 5 ВМБ (Оминато, Чинхэ, Магун, Рёдзюн (Люйшунь), Майдзуру) и 4 флота (Объединенный, Учебный, 1-й экспедиционный (Центральный и Южный Китай), 2-й экспедиционный (Северный Китай)) – до февраля 1932 г. оставались неизменными. Хотя после т. н. маньчжурского инцидента был дополнительно образован 3-й флот, в дальнейшем ВМФ империи претерпели существенные изменения

⁴⁷ Там же. С. 551, 556.

⁴⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 46. Л. 270.

⁴⁹ Азаревич В. К. Владивостокская крепость в начале 1920-х гг.: от падения Белого Приморья до самоликвидации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 78–88.

⁵⁰ Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 541–542, 553–554, 556, 566, 574; Архив НИИО МНО Японии. Бунко-Миядзаки-4 (С14061003200). Л. 0021–0022; Санкоёдзукё. Сёва 6 нэн 11 гацу хацука тёсэй = Справочные таблицы, подготовленные 20 ноября 1931 г. Токио: Кайгунсё, 1932. Таблица 1.

только после начала японо-китайской войны в 1937 г., когда для боевых действий на материке и в прибрежной морской зоне был сформирован Китайский флот⁵¹.

В связи с малочисленностью и слабостью советских ВМС на Дальнем Востоке разведывательные органы японского флота действовали против них до 1935 г. крайне неактивно.

Еще с мая 1922 г. во Владивостоке для обеспечения безопасности японской колонии и вывода экспедиционных частей находился сторожевой корабль 1-го класса «Ниссин». После эвакуации императорских войск из города в командование кораблем 10 ноября 1922 г. вступил опытный разведчик, бывший ВМАТ в России капитан 1-го ранга Ситида Кэсаити, а 1 декабря 1922 г. в состав его экипажа были зачислены сотрудник РУ МГШ капитан 3-го ранга Минодзума Дзюндзи и переводчик Симада Мотомаро, с 1918 г. работавший по линии флотской разведки во Владивостоке. Вслед за возвращением корабля в порт приписки в начале 1923 г. Минодзума и Симада по приказу военно-морского министра от 30 марта остались во Владивостоке для работы там с нелегальных позиций под предлогом «изучения русского языка и знакомства с российской действительностью». По договоренности с МИД Минодзума поддерживал связь с МГШ через японское генеральное консульство⁵². Для решения ряда вопросов по созданию нового разведывательного аппарата с февраля по апрель 1923 г. во Владивостоке находился прикомандированный к командованию военно-морского района Йокосука бывший резидент МГШ во Франции и Болгарии (1919–1922) капитан 3-го ранга Кобаяси Соносукэ⁵³.

Основная задача Минодзумы заключалась в сборе информации о боевом составе и тактико-технических характеристиках кораблей МСДВ, личном составе, учреждениях и учебных заведениях ВМФ, состоянии крепостных сооружений Владивостока, дислокации частей Красной армии, военно-политической и социально-экономической обстановке в СССР. С целью расширения связей он по рекомендации капитана 1-го ранга Ситида поселился на квартире бывшего помощника командира Владивостокского военно-морского порта С. С. Носилова. Резидент завербовал председателя владивостокского отделения банка «Тёсэн гинко» Ито Нобуо, редактора местной английской газеты и ряд других лиц, успешно помогавших ему решать до февраля 1924 г. поставленные РУ МГШ задачи. Кроме того, работавший с Минодзумой переводчик Симада имел обширные связи среди местных жителей и часть из них использовал в качестве агентов для сбора интересующей военно-морскую разведку информации⁵⁴.

Однако после разоблачения Минодзумы советскими органами госбезопасности в феврале 1924 г., ареста и высылки за пределы СССР МГШ решил не восстанавливать владивостокскую резидентуру, а с 1926 г. стал регулярно направлять в краткосрочные командировки в Приморье, как правило, раз в полгода, офицеров разведки для оценки состояния крепостных укреплений и боевых кораблей МСДВ. Примечательно, что сначала советский Дальний Восток инспектировали начальники флотской разведки: так, в марте 1926 г. в Приморье и Китае побывали глава РУ МГШ контр-адмирал Накамура Рёдзо и прикомандированный к китайскому отделению капитан 3-го ранга Накахара Сабуро, а ровно через год Владивосток и Северную Маньчжурию посетили начальник Разведуправления контр-адмирал Ёнаи Мицумаса и прикомандированный к русскому отделению капитан 2-го ранга Коянаги Кисабуро. Впрочем, основная тяжесть агентурной работы ложилась на плечи руководителей советского направления флотской разведки: в августе 1927 г. Владивосток посетил начальник русского отделения капитан 2-го ранга Накадзима Киёнобу, который после двухдневного изучения обстановки в городе при содействии сотрудников дипломатического представительства выехал через Пограничную

⁵¹ Нихон рикюкайгун сого дзитэн = Полная энциклопедия японской армии и флота. Токио: Токио дайгаку сюпанкай, 1991. С. 421–427, 440–446.

⁵² Архив НИИО МНО Японии. Т12–105-2988 (С08050880800). Л. 0439–0440, 0455–0456. Архив МИД Японии. 1.6.3.24.13.55 (В03051348000). Л. 0442, 0445–0446. Другое чтение фамилии Ситида – Хицуа.

⁵³ Архив НИИО МНО Японии. Т12–105-2988 (С08050880700). Л. 0399–0400; Нихон рикюкайгун сого дзитэн. С. 190.

⁵⁴ Показания Минодзума Дзюндзи. С. 183–184.

в Северную Маньчжурию, где в течение 3 недель продолжил вести сбор информации о нашей стране через местные японские военные миссии⁵⁵. Однако основные сведения по Владивостокскому порту МГШ регулярно получал из японского генерального консульства.

3-е отделение также изыскивало возможности для организации агентурной разведки в Приморье с позиций Кореи, о чем свидетельствовало двухнедельное пребывание Накадзимы в сентябре 1926 г. в приграничном Сэйсине, имевшем прямое морское сообщение с Владивостоком⁵⁶. Но решение о развертывании там резидентуры тогда так и не было принято, а информация о советском флоте поступала в МГШ от ранее организованного в Сэйсине разведпункта штаба Корейской армии и от Корейского генерал-губернаторства⁵⁷.

Другим источником сведений об обстановке на Дальневосточном морском театре и состоянии советского флота являлись доклады командиров эсминцев, несших с 1919 г. охранную службу у побережья Камчатки, и с 1929 г. – у южного побережья Приморья.

В первом случае ежегодно, с мая по сентябрь, командование ВМФ Японии направляло в Охотское и Берингово моря один из дивизионов эсминцев военно-морской базы Оминато в составе 4 боевых кораблей с задачей «охраны проживающих на Камчатке подданных империи» без права захода в трехмильную зону советских территориальных вод. На практике это означало обеспечение им беспрепятственного хищнического рыбного лова японскими судами и разрешение возникавших пограничных конфликтов⁵⁸.

Перед выходом в море командирам кораблей приказом по МГШ ставились задачи на разведку: так, несшие службу в 1928 г. эминцы «Минэкадзэ», «Окикадзэ», «Савакадзэ» и «Якадзэ» 2-го дивизиона должны были собрать информацию о советском транспортном флоте на Камчатке, организации связи полуострова с европейской частью СССР и Японией, дислокации и деятельности частей морской пограничной охраны ОГПУ и подразделений рыбинспекции, работе местных предприятий прибрежного лова и судов-краболовов, социально-политической обстановке в регионе⁵⁹. На время похода в состав управления дивизиона или экипажей эсминцев на правах командиров боевых частей зачислялись владевшие русским языком офицеры разведки: в ходе уже упомянутой службы 2-го дивизиона у побережья Камчатки весной – осенью 1928 г. в его походном штабе постоянно находились капитан-лейтенанты Накасэ Нобору и Ямагути Сутэдзи, которые исполняли обязанности переводчиков и отвечали за организацию судовой разведки.

Аналогичным образом с 1929 г. ежегодно с мая по август у южного побережья Приморского края охранную службу японских рыболовецких судов несли 3–4 эминца одного из дивизионов военно-морской базы Чинхэ⁶⁰.

Достаточно благоприятная обстановка для разведывательной деятельности флота сложилась на Сахалине. После оккупации его северной части в ответ на уничтожение партизанским отрядом Я. И. Тряпицына японской колонии в Николаевске-на-Амуре в марте 1920 г., МГШ прикомандировал к специальному отряду охраны водного района 3-го флота в порту Александровск-Сахалинский своего офицера разведки, который занялся организацией агентурного аппарата на севере острова и в Нижнем Приамурье. С сентября 1924 г. по май 1925 г. за эту работу отвечал уже упоминавшийся капитан 3-го ранга Накадзима Киёнобу, продолживший после вывода оккупационных частей курировать советское направление в РУ МГШ. Офицеры флотской разведки и их доверенные лица с 1926 г. систематически выезжали на северосаха-

⁵⁵ Архив НИИО МНО Японии. S1–87–3440 (C09020010000). Л. 0997–0999; S2–89–3584 (C04015845100). Л. 0712–0713, 0716–0717; (C04015845300). Л. 0805; (C04015841500).

⁵⁶ Там же. S1–87–3440 (C09020012300). Л. 1103.

⁵⁷ Архив НИИО МНО Японии. T12–1–38 (C06031242300). Л. 1231–1232; T12–5–11 (C03022636700). Л. 1808–1809.

⁵⁸ Там же. S3–83–3713 (C04016246800). Л. 0033, 0035.

⁵⁹ Там же. S3–84–3714 (C04016249700). Л. 1027–1028.

⁶⁰ Архив НИИО МНО Японии. S4–75–3862 (C04021841300). Л. 0083–0084.

линские нефтепромыслы в составе инспекционных комиссий Военно-морского министерства Японии, взаимодействуя в решении специальных задач с сотрудниками консульств в Александровске-Сахалинском и Охе⁶¹. В 1929 г. 3-е отделение заручилось согласием на помощь в сборе разведывательной информации уполномоченного нефтедобывающей компании «Кита карафутто сэкию кабусики кайся» в Охе Наритомии Митимаса, находившегося там с июня 1928 г. по октябрь 1929 г.⁶²

В дальнейшем решение этой задачи облегчалось тем обстоятельством, что, будучи подконтрольной флоту, компания часто назначала на должность управляющего охинской нефтедобычей кого-либо из офицеров запаса: например, капитана 1-го ранга Огава Дзютаро (1931–1932, 1935–1938, 1939–1941), контр-адмирала Катаяма Сэйдзи (1941–1942) или генерал-лейтенанта Сато Сёдзабуро (1942–1943). Кроме того, подробные сведения о военно-политической обстановке на севере острова и материке Разведуправление получало от капитанов нефтеналивных судов ВМФ, в 1925–1944 гг. регулярно загружавшихся нефтью в порту Оха⁶³.

Параллельно с организацией разведки на советском Дальнем Востоке МГШ в первой половине 1920-х гг. развернул в Европе еще два зарубежных разведаппарата для сбора информации о Морских силах Черного, Балтийского морей и РККФ в целом.

Первый орган был образован в Стамбуле под прикрытием военно-морского представительства Японии в международной комиссии по Черноморским проливам. В декабре 1923 г. резидентуру возглавил капитан 2-го ранга Тогари Токамото, и до весны 1931 г. ею последовательно руководили капитаны 3-го ранга Миура Сэйдзо (1924–1926), Ямамура Минору (1926–1928), Ямада Тосиё (1928–1929) и Икэда Дзин (1929–1931). Их деятельности способствовало то обстоятельство, что по условиям Лозаннской конвенции о проливах от 1923 г. Советский Союз ежегодно отчитывался о составе корабельной и авиационной группировок МСЧМ⁶⁴. В связи с открытием 4 января 1926 г. японского консульства в Одессе задачи получения сведений о МСЧМ постепенно перешли к его персоналу, поэтому стамбульская резидентура в марте 1931 г. была упразднена, а сбором информации по Черноморскому флоту в интересах МГШ стали заниматься сотрудники одесской дипмиссии и направлявшиеся в краткосрочные командировки на Украину работники ВМАТ в Москве⁶⁵. Стоит отметить, что в 1931–1934 гг. одесское консульство возглавлял Танака Бунъитиро, который в бытность младшим секретарем владивостокского генерального консульства (1911–1917) по соглашению между МГШ и МИД исполнял обязанности резидента флотской разведки.

Ядром второй резидентуры стал аппарат японского ВМАТ в России, который в мае 1918 г. переехал из Вологды в Стокгольм, а с июня 1920 г. под руководством капитана 2-го ранга Ёнаи Мицумаса обосновался в Варшаве. Ёнаи поддерживал тесный контакт с польской военной разведкой, но уже в ноябре 1921 г. переехал в Берлин, оставив в Варшаве малоопытного капитан-лейтенанта Маэда Минору. Спустя полтора года, в июне 1923 г., атташат вернулся из Берлина в Варшаву и его руководителем стал специалист по советскому флоту капитан 2-го ранга Икэнака Кэнъити. Тем не менее в марте 1924 г. Икэнака под предлогом того, что в Польше трудно осваивать русский язык, убыл в Ригу, оставив в Варшаве вместо себя капитан-лейтенанта Накасэ Нобору. После установления дипломатических отношений с

⁶¹ Там же. S1–87-3440 (C09020011300). Л. 1061–1065; S3–105-3735 (C04016375700). Л. 1193–1194.

⁶² Показания Минодзума Дзюндзи. С. 186.

⁶³ Подробнее, например, см.: *Ткачёва Г. А., Тужилин С. В.* «Трудно установить, кто является хозяином – мы или японцы». Японские концессии на советском Северном Сахалине в 1926–1944 гг.: нефть, уголь и... разведка // Военно-исторический журнал. 2021. № 12. С. 30–41.

⁶⁴ Архив МИД Японии. 2.3.1.0.5.152 (B06150492000). Л. 0115–0117; Архив НИИО МНО Японии. S5–58-3994 (C05021100900). Л. 0664; (C05021101200). Л. 0812; S5–59-3995 (C05021102200). Л. 1142; (C05021102700). Л. 1296–1297; (C05021103500). Л. 1698; S8–75-4515 (C05022725700). Л. 0092.

⁶⁵ Там же. S8–90-4530 (C05022792900). Л. 0598–0602.

нашей страной в январе 1925 г. Икэнака и Накасэ стали военно-морским атташе и его помощником при японском посольстве в Москве⁶⁶.

По сложившейся практике на эти должности назначались только сотрудники советского направления РУ МГШ, как правило, прошедшие языковую подготовку в Токийской школе иностранных языков, окончившие командный факультет Военно-морского штабного колледжа и имевшие большой стаж корабельной службы⁶⁷. Источниками информации для них были официальные поездки на ВМБ на Черном море и Балтике, публикации в советской печати, сведения от разведок Финляндии, Латвии, Эстонии и Польши. Японский военно-морской атташе, например, снабжал своего польского коллегу данными о корабельном составе и уровне боевой подготовки Черноморского флота, а тот делился доступными ему материалами: так, 5 мая 1932 г. капитан 2-го ранга Маэда Минору доложил в Токио сведения польского военного атташе майора Яна Ковалевского о строительстве на Балтийском заводе в Ленинграде 15 подводных лодок с помощью итальянских специалистов, а 15 августа сообщил полученную от него же достоверную информацию о переброске из европейской части в Сибирь 4 стрелковых дивизий⁶⁸.

В целом ВМАТ в СССР собирал в 1920–1930-е гг. сведения по широкому кругу вопросов, касавшихся не только РККФ, но и позиции советского руководства в отношении Японии и ведущих держав, военно-политической и социально-экономической обстановки в нашей стране, назначений и уровня подготовки высшего командного состава армии и флота, организации дальнего авиационного сообщения с зарубежными государствами и авиационных перелетов через Северный полюс, оказания помощи республиканской Испании во время Гражданской войны и т. д.⁶⁹

Необходимо отметить, что залогом успешной работы военно-морской разведки Японии против СССР оставалось ее тесное взаимодействие с МИД. Как уже отмечалось, с 1892 г. по соглашению с флотом владивостокское генеральное консульство регулярно информировало его об обстановке в порту, прибытии и убытии боевых кораблей, мероприятиях боевой подготовки ТОФ, проводимых на Дальзаводе работах, состоянии аэродромной сети, численности морской авиации, дислокации сухопутных войск, организации береговой обороны в Приморье, черпая сведения из личных наблюдений сотрудников миссии, бесед с капитанами заходивших туда японских судов и сообщений агентов. Аналогичным образом данные о корабельном составе, мероприятиях боевой подготовки и перемещениях кораблей Амурской флотилии поступали в МГШ от японских консульств в Благовещенске, Хабаровске и от военной миссии в Сахалине (Хэйхэ). Кроме того, военно-морская разведка Японии систематически получала информацию о советском флоте от консульств в Одессе, Новосибирске, Александровске-Сахалинском, Харбине, Цзяньдао, Маньчжоули и от посольства в Москве⁷⁰.

Немаловажно отметить и то, что РУ МГШ поддерживало тесную связь с коллегами из военной разведки. Оба разведывательных органа регулярно обменивались информацией, как

⁶⁶ Архив МИД Японии. Т12–106-2989 (С08050882200). Л. 0893–0894; Архив МИД Японии. 6.1.6.1.2.003 (В16080429100). Л. 0442; 6.1.6.2.3.003 (В16080529900). Л. 0093. Икэнака прибыл в Москву 21 июня 1925 г. Впоследствии Ёнаи, Маэда и Накасэ возглавили военно-морскую разведку Японии.

⁶⁷ Нихон рикюкайгун сого дзитэн. С. 164, 191, 216, 231, 435, 437.

⁶⁸ Архив НИИО МНО Японии. S7–41-4288 (С05022006700). Л. 0536, 0540; *Majzner R.* Wywiad morski II Rzeczypospolitej (1918–1939) // *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie*. 2016. Т. XV. S. 215, 225.

⁶⁹ Архив НИИО МНО Японии. S7–41-4288 (С05022006700); S-20–76 (С11080566200). Л. 0917; Архив МИД Японии. А.4.6.1.ЕТ/П.1.2.001 (В02031219100). Л. 0062; А.6.0.0.1.12.1.1.001 (В02031539200). Л. 0458; А.6.5.0.1.002 (В02032124900). Л. 0095; А.6.5.0.1.6 (В02032124900). Л. 0095; (В02032153500). Л. 0415; Е.4.9.0.1.005 (В09041993900). Л. 0186; (В09041994300). Л. 0331; F.1.10.0.4.10 (В10074798200). Л. 0125; (В10074797900). Л. 0088; F.1.10.0.13.001 (В10074845800). Л. 0076; F.1.10.0.13.002 (В10074850300). Л. 0038; (В10074858400). Л. 0509, 0512.

⁷⁰ Архив НИИО МНО Японии. S8–90-4530 (С05022793100). Л. 0607–0609; (С05022793900). Л. 0668–0670; (С05022795400). Л. 0751–0752; Бунко-Миядзаки-64 (С14061046300). Л. 0164–0169.

по СССР, так и по всем остальным странам, а РУ МГШ включало в подготавливаемые информационные сводки для руководства Японии и нижестоящих штабов заслуживающие внимания сведения о Советском Союзе, которые исходили, например, от Квантунской армии или военного атташе в Польше. Более того, ежегодно утверждаемые оперативные планы МГШ и ГШ содержали пункт о том, что «армия и флот обязаны проводить взаимный обмен разведывательной информацией, имеющей в равной степени ключевое значение для них; разведывательная информация об обстановке на море должна доводиться до армии, в то время как решение об обмене с армией сведениями по другим вопросам принимается отдельно»⁷¹.

Заблаговременно созданные японской военно-морской разведкой позиции и тесные контакты с разведорганами Эстонии и Польши позволили МГШ подготовить 12 мая 1923 г. первый после завершения иностранной военной интервенции раздел о СССР в секретном сборнике «Краткий обзор состояния иностранных флотов и положения дел в зарубежных странах». Первостепенное внимание в нем уделено состоянию МСДВ. Как полагали сотрудники флотской разведки, оставшиеся во Владивостоке боевые корабли под командованием И. К. Кожанова, за исключением 2–3, были практически небоеспособны, что объяснялось непроведением их капитального ремонта, слабой укомплектованностью экипажей и убытием большей части командного состава в октябре 1922 г. вместе с остатками Сибирской флотилии контр-адмирала Г. К. Старка на Филиппины. Боевой состав МСДВ оценивался в 5 небоеспособных эсминцев, 2 транспортных судна (из них 1 – на ходу), 1 ледокол (на ходу), по 1 небоеспособному паровому катеру, сторожевому кораблю и хозяйственному судну во Владивостоке. Кроме того, 1 вспомогательное судно находилось в Шанхае. По данным РУ МГШ, Амурская военная флотилия на тот момент располагала 7 большими и 7 малыми канонерскими лодками, из которых боеспособными были не более 5–6.

Относительно состояния РККФ в целом японские разведчики пришли к выводу, что после Октябрьской революции 1917 г. он также оказался практически небоеспособным и, хотя советское правительство стремилось восстановить флот, из-за упадка промышленности, нехватки сырья и неуккомплектованности экипажей его возрождение представлялось чрезвычайно трудной задачей. Хотя военно-морская разведка Японии не располагала достоверной информацией о боевом составе и организационно-штатной структуре РККФ, на основании данных разведорганов Эстонии, Польши и публикаций в открытой печати она полагала, что на Балтийском флоте из 4 линкоров боеготовым был только «Марат» (бывший «Петропавловск»), в то время как «Парижская коммуна» (бывший «Севастополь») был разоружен, а «Полтава» и «Гангут» простаивали из-за отсутствия машинного масла. Кроме них в состав МСБМ входили канонерская лодка «Храбрый», 8 субмарин и 7 эсминцев, причем нехватка обученных экипажей и топлива ограничивала применение последних. Черноморский флот, по информации МГШ, почерпнутой из французской печати, после ухода из Крыма в Средиземное море в 1920 г. 1 линкора, 1 крейсера, 9 эсминцев и 4 подводных лодок располагал только 2 боеспособными крейсерами «Адмирал Нахимов» (на деле, с декабря 1922 г. «Червона Украина») и «Адмирал Лазарев», 2 завершавшими ремонт крейсерами «Адмирал Корнилов» и «Адмирал Истомин» и стоявшим на ремонте крейсером «Память Меркурия» (на деле, с декабря 1922 г. «Коминтерн»). Кроме них в составе МСЧМ в разной степени боеготовности числились 4 миноносца, 4 канонерские и 5 подводных лодок.

В сборнике также отмечалось, что советские военно-морские расходы в январе – сентябре 1922 г. составили 4 % от бюджета, или 71 822 000 руб. золотом. По имевшейся информации, в декабре 1922 г. правительство СССР утвердило 5-летнюю судостроительную программу, в соответствии с которой планировалось построить для МСБМ 1 легкий крейсер, 5 эсминцев и

⁷¹ Там же. 9 сонта-касумигасэки-13 (С14121167400). Л. 1262; 9 сонта-касумигасэки-19 (С14121174600). Л. 0074; Архив МИД Японии. А.6.0.0.1.4.001 (В02031504800). Л. 0354; РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 36–37.

7 субмарин, для МСЧМ – 4 эсминца и 1 подводную лодку. В целях скорейшего восстановления флота Советский Союз, по сведениям МГШ, заключил секретное соглашение с Германией, и в июне – октябре 1922 г. Москве были переданы узлы и механизмы для 2 подводных лодок и боевых самолетов⁷².

В целом сборник достаточно точно отражал состояние советского флота.

Несмотря на то что после ухода японских войск из Приморья были образованы МСДВ во главе с И. К. Кожановым, их боеспособность, как уже отмечалось, оставалась крайне низкой: согласно приказу по РККФ от 14 апреля 1923 г., они имели в корабельном составе эсминец «Бравый» (использовался в качестве брандвахты, в 1923 г. разоружен), 2 миноносца и 1 посыльное судно Владивостокского морского отряда, 1 ледокол Владивостокского военноморского порта, 5 канонерских лодок и 2 бронекатера Амурской речной военной флотилии. Еще 1 эсминец, 4 канонерские лодки и 1 ледокол были переданы для длительного хранения Владивостокскому военноморскому порту и его отделению в Хабаровске, а 3 эсминца, 7 миноносцев, 5 канонерских лодок и более 10 вспомогательных судов, получивших серьезные повреждения в ходе Гражданской войны, были сданы на слом⁷³.

Таким образом, японская военноморская разведка располагала достоверной информацией о фактической небоеспособности всех 5 советских эсминцев на Дальнем Востоке и наличии в составе Амурской военной флотилии только 5 действующих канонерских лодок.

Точно так же РУ МГШ правильно определило временный отказ Советского Союза от содержания большого флота: в записке В. И. Ленина И. В. Сталину от 29 ноября 1922 г. отмечалось, что «держат флот сколько-нибудь значительного размера нам, по соображениям экономическим и политическим, не представляется возможным», поэтому в течение 1922 г. для сдачи на слом были переданы непригодные для восстановления по техническому состоянию 11 линкоров, 4 недостроенных линейных крейсера, 13 крейсеров, 39 эсминцев и миноносцев, 2 канонерские, 7 подводных лодок⁷⁴.

С другой стороны, отсутствие у военноморской разведки Японии существовавшего до Гражданской войны многочисленного разведывательного аппарата в нашей стране в лице сотрудников ВМАТ при японском посольстве, офицеров-стажеров и работников консульств в Москве и Одессе влияло на некоторое расхождение оценок боевого состава РККФ с реальным положением дел: так, на Балтике Советский Союз, хотя и располагал 1 боеспособным линкором «Марат» («Петропавловск»), имел не 7, а 11 эсминцев, не 8, а 9 подводных лодок; показанные боеготовыми для Черного моря крейсера «Червона Украина» («Адмирал Нахимов») и «Адмирал Лазарев» в действительности находились в достройке, а якобы завершавшие ремонт крейсера «Адмирал Корнилов» и «Адмирал Истомин» вообще были разобраны на стапеле еще в 1920 г., хотя крейсер «Коминтерн» («Память Меркурия») на самом деле проходил капитальный ремонт. Также неточно в справочнике отразилось наличие в составе МСЧМ 4 миноносцев вместо реального 1, 4 канонерских лодок вместо 3, 5 субмарин вместо 4⁷⁵. Естественно, что сведения о якобы утвержденной в декабре 1922 г. советским правительством 5-летней кораблестроительной программе не имели под собой никаких оснований.

Спустя полтора года, 1 сентября 1924 г., ГШ Японии на основе своей информации и сообщений флотской разведки подготовил обзор «Состояние Рабоче-Крестьянского флота России», в котором проанализировал положение дел в центральных органах военного управления и высших военноморских учебных заведениях, количественный и качественный состав МСБМ, МСЧМ, МСДВ, Морских сил Каспийского моря, мероприятия по ремонту и достройке

⁷² Архив НИИО МНО Японии. 1 Тюо-дзэмпан-258. Л. 1205–1215.

⁷³ Боевая летопись Военноморского флота, 1917–1941. С. 518–519.

⁷⁴ Там же. С. 474, 497, 499.

⁷⁵ Боевая летопись Военноморского флота, 1917–1941. С. 499.

боевых кораблей. В целом японские данные по боевому составу советского флота были относительно точными: разведка насчитала на Балтийском, Черном и Каспийском морях 2 линкора, 5 крейсеров, 13 эсминцев и 16 подводных лодок, тогда как в действительности там было 2 линкора, 2 крейсера, 13 эсминцев и 14 субмарин, причём МСБМ вместо 4 крейсеров имели только 1, вместо 12 эсминцев – 9, а на Каспии подлодки отсутствовали. Состав МСДВ был оценен в 5 эсминцев, 1 ледокол и 1 сторожевой корабль, базировавшиеся на Владивосток, а также в 7 канонерских лодок Амурской флотилии, при этом согласно телеграмме командира сторожевого корабля 1-го класса «Ниссин» от 31 мая 1922 г. у эсминцев были демонтированы торпедные аппараты. Действительно, к моменту подготовки обзора боееспособными в составе советского флота на Тихом океане, как уже отмечалось, оставались лишь эсминцы «Лазо» и «Потапенко», а «Анисимов» нес брандвахту в акватории Владивостока. В целом в обзоре делался вывод о том, что после Гражданской войны РККФ практически утратил свою боееспособность и, несмотря на запущенную в 1922 г. советским правительством 5-летнюю программу ремонта кораблей царской постройки и строительства 4 новых легких крейсеров, 10 эсминцев и 15 субмарин, располагал средствами только для постройки подводных лодок⁷⁶.

Через полгода, 30 марта 1925 г., сотрудники ГШ вновь обобщили данные по советскому ВМФ и привели краткую оценку его состояния в обзоре «Текущее положение дел в иностранных государствах». Показывая те же цифры, что и в обзоре от 1 сентября 1924 г., авторы документа констатировали, что «по сравнению с армией, имеющей на вооружении авиацию и отравляющие вещества, ВМФ по-прежнему находится в плачевном состоянии, поскольку его возрождение требует огромных затрат и нынешнее советское правительство не видит необходимости в создании крупного флота»⁷⁷.

Японские специалисты практически не ошибались: 29 октября 1924 г. Совет Труда и Оборона утвердил выделение средств для флота только на ремонт и модернизацию 2 крейсеров и 6 эсминцев на Балтийском и Черном морях.

Тем не менее военно-морская разведка Японии продолжала внимательно наблюдать за северным соседом. 1 мая 1926 г. МГШ подготовил очередной секретный сборник «Краткий обзор состояния иностранных флотов и положения дел в зарубежных странах», один из разделов которого был посвящен РККФ.

Суммировав данные разведки, его составители пришли к выводу, что советский ВМФ насчитывал 32 000 чел., 4 линкора, 8 крейсеров, 53 эсминца и 25 подводных лодок. Число действующих боевых кораблей оценивалось примерно в половину от их состава. В сборнике отмечалось, что по сравнению с 1925 г. существенных изменений в РККФ не произошло, а реализация кораблестроительной программы тормозилась: строительство линкоров не было завершено, недавно спущенная с большим трудом на воду подводная лодка из-за дефектов проекта утонула при пробном выходе в море, единственным специализированным судостроительным предприятием оставался завод в Кронштадте. Хотя японская военно-морская разведка не располагала информацией о планах правительства СССР в области военного судостроения, на основании газетных публикаций она пришла к заключению, что Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК) по заявке ВМФ утвердил в апреле 1925 г. кораблестроительную программу, которая предусматривала строительство для МСБМ 2 крейсеров, 4 эсминцев и 2 подводных лодок (должны были быть спущены на воду в 1926 г.), для МСЧМ – 4 крейсеров, 8 эсминцев и 8 охотников за ПЛ, для Дальнего Востока – 6, для Северного Ледовитого океана – 2 линкоров.

Сборник содержал подробную информацию о положении дел на всех флотах. На Дальнем Востоке военно-морская разведка считала боееспособными только 3 вспомогательных судна,

⁷⁶ Национальный архив Японии. Дзё-00002100 (A03023712600). Л. 71–72.

⁷⁷ Архив НИИО МНО Японии. Тюо-гундзи гёсэй дзёхо-2 (C14010393100). Л. 0282–0284.

которые использовались в основном в качестве сторожевых кораблей для охраны советского морского побережья, 2 транспортных судна и 5 ледоколов. Что касается находившихся там же 5 эсминцев, сотрудники РУ МГШ констатировали, что после 1922 г. фактов их выхода в море выявлено не было. Аналогичные цифры содержались и в датированной 1 сентября 1925 г. справочной таблице МГШ.

Кроме того, военно-морская разведка констатировала, что Амурская военная флотилия после вывода императорских войск с Северного Сахалина в мае 1925 г. получила находившиеся под японским контролем 4 канонерские лодки, 1 посыльное и 2 транспортных судна, часть из которых до ледостава была переведена на Амур.

Если информация по обстановке на Дальневосточном морском театре более-менее соответствовала действительности, то в отношении советского флота в европейской части нашей страны японская военно-морская разведка имела весьма смутное представление.

Так, Балтийский флот, по информации МГШ, располагал 2 действующими линкорами «Марат» и «Парижская коммуна», 3 легкими крейсерами «Рюрик», «СССР» («Аврора») и «Светлана», гидроавиатранспортом «Орлица», 20 эсминцами, 9 ПЛ. Еще 2 линкора, 3 легких крейсера, 3 эсминца и 6 субмарин стояли на приколе. Однако верной была только информация по числу субмарин, в остальном же РУ МГШ ошибалось: на Балтике Советский Союз имел не 2 линкора, а 3 (справедливости ради, «Октябрьская революция» с апреля 1925 г. по июль 1926 г. находилась в капитальном ремонте), не 3 легких крейсера, а 1 («Аврора»), не 20 эсминцев, а 11. Кроме того, «Орлица» еще в июле 1918 г. была разоружена и с тех пор эксплуатировалась на грузопассажирских линиях Балтийского морского пароходства в качестве парохода «Совет».

На Черном море японская военно-морская разведка установила 2 действующих легких крейсера «Коминтерн» и «Червона Украина», 3 эсминца «Марти» («Строгий»), «Лейтенант Шмидт» («Свирепый») и «Водяной» («Завидный»), 4 подводные лодки. Еще 4 эсминца, подлодка, тральщик и 2 канонерские лодки стояли в ремонте. Судьба ушедших в Бизерту в 1920 г. боевых кораблей Черноморского флота оставалась неопределенной. Однако по факту все, чем располагали МСЧМ на момент составления сборника – 1 действующий легкий крейсер «Коминтерн», 4 эсминца и 5 субмарин, а «Червона Украина» только проходила ходовые испытания.

Каспийская флотилия, согласно сборнику, имела 2 канонерские лодки «Ленин» и «Троцкий», 13 эсминцев и 3 подводные лодки «Минога», «Мокрель» и «Окунь». В действительности советский флот на Каспии был представлен только 3 эсминцами при полном отсутствии субмарин⁷⁸.

В части, касавшейся планов советского правительства по развитию флота, РУ МГШ также, скорее, не располагало проверенной информацией. Поскольку принятой в октябре 1924 г. усеченной программы восстановления ВМС было явно недостаточно для создания сопоставимого с мировыми державами флота, в 1925–1926 гг. штабы РККФ и Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) попытались продвинуть в Совет Труда и Оборона свои проекты, по которым к октябрю 1928 г. на Черном море и Балтике должно было насчитываться от 3 до 5 линкоров, от 4 до 5 крейсеров, от 8 до 16 эсминцев и от 6 до 18 подводных лодок. Поэтому озвученные японцами цифры по строительству крейсеров, эсминцев и субмарин явно были почерпнуты из недостоверных источников. Итогом дискуссий флота и армии стало утверждение Советом Труда и Оборона 26 ноября 1926 г. программы строительства Морских сил РККА на 1926–1932 гг. (с уточнениями в 1927 г.), которая предусматривала постройку, достройку и восстановительный ремонт 1 линкора, 2 крейсеров, 4 эсминцев, 19 подводных лодок, 60 тор-

⁷⁸ Архив НИИО МНО Японии. 1 Тюо-дзэмпан-200. Л. 0614–0627; Национальный архив Японии. Хэй 15 дзайму 00029100 (A08071526600). Л. 1196. Боевой состав РККФ на 1 мая 1926 г. определен по: *Бережной С. С.* Корабли и суда ВМФ СССР. 1928–1945: Справочник. М.: Воениздат, 1988.

педных катеров. Естественно, что ни в одном из планов речь о восстановлении флота на Дальнем Востоке не шла⁷⁹.

Анализ информационных материалов МГШ свидетельствует, что до 1932 г. военно-политическое руководство Японии не рассматривало РККФ как реальную силу, способную на равных конкурировать с военно-морскими флотами великих держав и империи в частности. В «Справочнике по военно-морским флотам и морскому делу», опубликованном в мае 1931 г. аффилированным с Военно-морским министерством и МГШ фондом «Юсюкай», по этому поводу прямо подчеркивалось: «Нижеперечисленные государства – Албания, Дания, Финляндия, Греция, Норвегия, Польша, Румыния, Швеция, Советский Союз, Турция и Югославия, – имеющие выход в открытое море и собственный флот, хотя и планируют более-менее усилить свой военно-морской потенциал, тем не менее, в настоящее время, по нашему твердому убеждению, не могут стоять в одном ряду с крупнейшими державами»⁸⁰.

В целом к началу 1932 г. боевой состав советского флота оценивался японцами в 4 линкора («Марат», «Парижская коммуна», «Октябрьская революция», «Михаил Фрунзе»), 4 крейсера типа «Профинтерн», 2 крейсера типа «Аврора», 29 эсминцев и 12 подводных лодок (еще 3 в постройке), что, как и ранее, лишь отчасти соответствовало действительности: «Михаил Фрунзе» после пожара 24 ноября 1919 г. стоял разоруженным на приколе на Балтийском заводе, из 4 крейсеров типа «Светлана» («Профинтерн») боеготовыми являлись только «Профинтерн» и «Червона Украина», однотипный с ними «Красный Кавказ» вошел в состав МСЧФ 25 января 1932 г., а «Ворошилов» так и не был достроен. Кроме того, количество эсминцев было завышено в 1,7 раза, в то время как число субмарин занижено в 1,6 раза. Более или менее точно РУ МГШ знало состав только Дальневосточной военной флотилии – 5 ледоколов, 3 вспомогательных судна и 7 канонерок⁸¹.

Отсутствие серьезного интереса у командования японского ВМФ и его разведорганов к советскому флоту было обоснованным: вслед за первой судостроительной программой от 11 ноября 1926 г., принятой до начала индустриализации, 4 февраля 1929 г. Совет Труда и Обороны утвердил новую программу для первой пятилетки (1928–1933), которая предусматривала ввод в строй 23 подводных лодок, 63 торпедных катеров, 1 легкого крейсера, 6 эсминцев, 18 сторожевых кораблей и только капитальный ремонт всех 3 линкоров. Ставка советским правительством была сделана на создание т. н. москитного флота. В итоге к началу 1932 г. Советский Союз, как уже отмечалось, ничего не мог противопоставить Японии на Дальневосточном морском театре ни в плане наступления, ни в плане обороны⁸².

В этой связи становится понятным, почему по признанию начальника русского отделения РУ МГШ капитана 1-го ранга Минодзума Дзюндзи (1928–1932), агентурная работа по советскому ВМФ до 1929 г. велась слабо. Несмотря на то что им позднее были привлечены к сотрудничеству члены экипажей ходивших из Цуруга во Владивосток японских пароходов, работники рыбных и нефтяных концессий на Камчатке и Сахалине, к началу 1933 г. русское отделение располагало всего лишь 11 агентами⁸³.

На ограниченные возможности японской военно-морской разведки по сбору информации о РККФ и приоритетное внимание к флотам США и Великобритании накладывалось активное противодействие ей советских органов госбезопасности. В Приморье они были представлены губернским отделом Государственной политической охраны, который в феврале 1923 г. стал губернским отделом Государственного политического управления. В его составе

⁷⁹ Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 540–544, 553–554.

⁸⁰ Кайгун оёби кайдзи ёран. Сёва 6 нэмпан = Справочник по военно-морским флотам и морскому делу. Издание 1931 года. Токио: Юсюкай, 1931. С. 66–67.

⁸¹ Санкоёдзухё. Сёва 6 нэн 11 гацу хацука тёсэй. Таблица 12.

⁸² Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 566.

⁸³ Показания Минодзума Дзюндзи. С. 185–186.

имелось контрразведывательное отделение, отвечавшее за противодействие японскому шпионажу (с июня 1923 г. по октябрь 1926 г. также существовало морское отделение в количестве 4 оперативных сотрудников, которое боролось с разведкой Японии, однако после упразднения МСДВ его функции перешли к контрразведывательному отделу полпредства ОГПУ по Дальневосточному краю)⁸⁴.

Одним из их первых шагов в этом направлении стала ликвидация Приморским губернским отделом ОГПУ в конце февраля 1924 г. резидентуры Минодзумы, благодаря агентурному проникновению в окружение японского генконсула во Владивостоке и изъятию всей шедшей через него переписки разведчика с Токио⁸⁵. В Москве сотрудникам ОГПУ удалось с 1927 г. организовать негласную выемку служебных документов и дешифровку телеграфной переписки ВМАТ, привлечь к сотрудничеству одного из работников его аппарата, но при аналогичной попытке в отношении самого ВМАТ капитана 2-го ранга Коянаги Кисабуро последний в марте 1929 г. свел счеты с жизнью. Благодаря проведенным мероприятиям, на рубеже 1920–1930-х гг. через советскую контрразведку проходил большой объем совершенно секретных документов РУ МГШ, включая его «Военный бюллетень по СССР»⁸⁶.

Это позволило сотрудникам госбезопасности правильно оценить формы и методы работы 3-го отделения против нашей страны: как отмечалось в циркуляре ОГПУ от 27 сентября 1932 г. «О подрывной деятельности японской разведки и мерах борьбы с ней», сбор информации по Владивостоку, Северному Сахалину и Охотскому морю проводился «непосредственно военно-морскими базами на Японском море в Майдзуру и Оминато, аппаратом нефтяной концессии на Сев[ерном] Сахалине (аппарат концессий составлен из морских резервистов), эскадрильей истребителей [дивизионом эсминцев], крейсирующей в Охотском море между Николаевском и Камчаткой, и маршрутной агентурой из состава команд японских пароходов, заходящих во Владивосток, регулярно поставляющей информацию разведотделу военно-морской базы», а получением сведений «о состоянии военно-морских вооружений в европейской части СССР в контакте с морской разведкой Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии» занимался военно-морской атташе в Москве⁸⁷.

С другой стороны, на рубеже 1920–1930-х гг. в деятельности органов госбезопасности, занимавшихся оперативным обеспечением МСДВ, имели место некоторые случаи фальсификации дел по японскому шпионажу. Так, в 1931 г. «разоблачили» контрреволюционную шпионско-диверсионную организацию на морском транспорте Тихоокеанского бассейна, образованную тремя годами ранее. Организация являлась филиалом Дальневосточного краевого центра «Промпартии» и состояла преимущественно из дворян, бывших морских офицеров царского флота, капитанов морских судов, белогвардейцев, участников бело-японских контрразведок. В своей деятельности она была связана с ГШ Японии через некоего «полковника Гото» (он же представитель конторы «Сёсэн-гуми» во Владивостоке) и белогвардейские организации в Шанхае. По данным ОГПУ, организацией была создана специальная военно-морская группа во главе с бывшим начальником административного отдела штаба Сибирской военной флотилии старшим лейтенантом С. С. Носиловым. В нее входили более 50 чел., в т. ч. бывший начальник штаба Амурской военной флотилии В. В. Селитренников, командир сторожевого корабля «Воровский» В. В. Потёмкин, командир дивизиона мониторов флотилии и

⁸⁴ В центральном аппарате ОГПУ до 1934 г. функции морской контрразведки последовательно исполняли его Контрразведывательный (1922–1930) и Особый (1930–1934) отделы. В связи с организацией МСДВ в мае 1932 г. было образовано его Особое отделение, которым по совместительству руководил начальник Владивостокского оперативного сектора ОГПУ.

⁸⁵ Подробнее см.: *Фунакава Х.* Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке // Ойкумена. 2011. № 1. С. 113–132.

⁸⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 31–37.

⁸⁷ *Мозохин О. Б., Тужилин С. В.* Борьба спецслужб СССР и Японии в годы Второй Мировой войны. М.: Вече, 2020. С. 107. В 1923–1939 гг. статус военно-морского района Майдзуру, согласно Вашингтонскому морскому соглашению, был понижен до базы.

командир канонерской лодки «Бурят». Являясь офицерами царского флота, участники группы поддерживали связь с японской разведкой и ставили целью обеспечить беспрепятственное вторжение Японии на советский Дальний Восток в самом начале войны. В отношении Селитренникова прямо говорилось, что с 1924 г. он «имел связь с японским консулом во Владивостоке Ватанабе». Хотя «разоблаченные японские агенты» были оправданы в 1957–1989 гг.⁸⁸, процесс т. н. валовой реабилитации указанного временного периода в нашей стране до сих пор трактуется неоднозначно, а его результаты требуют отдельного кропотливого исследования...

В первой половине 1930-х гг. советской контрразведке не всегда удавалось своевременно получать материалы об изменениях в организационно-штатной структуре и численности РУ МГШ Японии: еще 4 февраля 1932 г. Особый отдел ОГПУ доложил наркому по военным и морским делам К. Е. Ворошилову добытое «Положение о распределении функций в Морском главном штабе Японии», однако спустя год IV (разведывательное) управление Штаба РККА в своей монографии «Военно-морские силы Японии» констатировало, что «точных сведений об организации моргенштаба не имеется <...> полное количество личного состава моргенштаба неизвестно <...> в значительной степени неизвестны сотрудники разведывательного управления»⁸⁹.

Возможность расширить сеть своих разведорганов, действующих против СССР, представлялась МГШ Японии только после т. н. маньчжурского инцидента – спровоцированного командованием Квантунской армии в сентябре 1931 г. захвата Северо-Востока Китая.

В январе 1932 г. для руководства действиями флота на Маньчжурском театре и последующей организации группировки речных сил будущего марионеточного государства Военно-морское министерство Японии учредило в Мукдене (Шэньяне) т. н. маньчжурскую военно-морскую миссию. В мае того же года сотрудник миссии, бывший ПВМАТ в СССР капитан 3-го ранга Кавабата Масахару получил назначение советником в Харбин для руководства маньчжурской Сунгарийской флотилией и ведения разведки.

В декабре 1932 г. маньчжурская миссия переехала в Синьцзин (Чанчунь), а с 1 апреля 1933 г. стала именоваться Управлением императорского флота в Маньчжоу-Го, которое руководило строительством ВМС марионеточного государства, вело агентурную разведку СССР и одновременно являлось ВМАТ. 15 ноября 1938 г. Управление было ликвидировано и вместо него вплоть до августа 1945 г. в Синьцзине действовал только ВМАТ при японском посольстве в Маньчжоу-Го с аналогичными функциями.

Что касается харбинской резидентуры, то 16 ноября 1936 г. она перешла в непосредственное подчинение МГШ и до конца Второй Мировой войны возглавлялась только специализировавшимися на Советском Союзе офицерами флотской разведки – капитанами 2-го ранга Кавабата Масахару (1932–1934), Куроки Гоити (1934–1936), Ямагути Сутэдзи (1936–1938), капитанами 1-го ранга Танигути Госукэ (1938–1942) и Маэда Наоки (1942–1945) – которые с 1933 г. по должности прикрытия числились сотрудниками Управления императорского флота в Маньчжоу-Го, а с 1938 г. – работниками ВМАТ при японском посольстве. Приказом военно-морского министра от 17 ноября 1936 г. на орган возлагалась задача ведения агентурной разведки⁹⁰. Однако с 1939 г. харбинская резидентура занималась главным образом перехватом советского радиообмена, но из-за отсутствия в штате криптоаналитиков направляла всю шиф-

⁸⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов в 10 т. Т. 10 в 3 ч. 1932–1934 гг. Ч. 2. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 551; Кулешов Д. С. Борьба советских органов безопасности с подрывной деятельностью японских спецслужб на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 19–20 октября 2022 г.), посвящённой памяти историка отечественных спецслужб А. М. Плеханова и 105-летию образования ВЧК. Омск: Издательство ОмГТУ, 2022. С. 130; Близначенко С. С. Наморси В. В. Селитренников // Морской сборник. 2022. № 6. С. 92.

⁸⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 171; Военно-морской флот Японии. М.: Издание IV управления Штаба РККА, 1933. С. 8.

⁹⁰ Архив НИИО МНО Японии. S11–155-5137 (C05035313200). Л. 0085–0086.

ропереписку советской Амурской флотилии и ТОФ на обработку в дешифровальный центр в Токио⁹¹.

Японская оккупация Северо-Востока Китая осуществлялась в условиях ответного усиления советского военного присутствия на Дальнем Востоке. 25 февраля 1932 г. наркомвоенмор К. Е. Ворошилов утвердил «План проведения особых оргмероприятий по формированию Морских Сил Дальнего Востока на 1932–1933 гг.», рассчитывая иметь в регионе к концу 1933 г. 12 подводных лодок типа «Щ», 30 типа «М», 3 минных заградителя, 9 тральщиков и 42 торпедных катера. В 1932 г. планировалось ввести в строй береговые батареи в районе Владивостока, Де-Кастри и Николаевска-на-Амуре, сформировать 2 бригады подводных лодок, бригаду траления и заграждения, дивизион тральщиков и отряд торпедных катеров с пунктом дислокации Владивосток, 19-ю тяжелую авиабригаду в Хабаровске, а в 1933–1934 гг. – еще 2 тяжелые авиабригады во Владивостоке и Воздвиженке и авиабригаду дальних морских разведчиков во Владивостоке. В условиях отсутствия на Дальнем Востоке крупных судостроительных и судоремонтных заводов советское руководство продолжало рассчитывать на противодействие японскому ВМФ силами подводных лодок и торпедных катеров – т. н. москитного флота⁹².

Уже 25 апреля 1932 г. приказом командующего МСДВ в их состав вошли бригада заграждения и траления (сторожевой корабль «Красный вымпел», а также проходившие процесс переоборудования из товаропассажирских пароходов в минные заградители «Ставрополь», «Томск» и «Эривань»), 9-я артиллерийская, 19-я тяжелая авиационная бригады, Владивостокский военный порт, другие соединения и части. В мае к ним присоединились первые 11 торпедных катеров типа «Ш-6», перевезенные по железной дороге из Ленинграда во Владивосток⁹³.

Данные мероприятия не остались без внимания МГШ Японии благодаря регулярно поступающим докладом от владивостокского генерального консульства: 17 августа 1932 г. генконсул Ямагути Тамэтаро проинформировал Токио о заходе в порт парохода «Симферополь» водоизмещением 2500 т с поднятым на нем советским военно-морским флагом и 2 смонтированными на палубе артиллерийскими орудиями, а 15 и 25 сентября сообщил об убытии и прибытии во Владивосток 3 боевых кораблей, включая «Эривань» и «Тобольск», которые, по его мнению, совместно со сторожевым кораблем «Красный вымпел» решали задачи по охране водного района⁹⁴.

Более неожиданным для командования японского флота стало наращивание подводных сил МСДВ. Их появлению предшествовало принятие 22 февраля 1932 г. Советом Труда и Оборона СССР постановления «По строительству Военно-Морских Сил РККА на 1932 год», в котором спланировали закладку на ленинградских верфях для МСДВ 12 средних подводных лодок типа «Щука» со сроками полной готовности 1 октября – 1 ноября 1932 г.⁹⁵ Головная субмарина «Карась» («Щ-101») была заложена 20 марта на Балтийском заводе, в июне доставлена в разобранном виде по железной дороге на владивостокский Дальзавод для сборки и достройки, 25 декабря спущена на воду и 26 ноября 1933 г. включена в состав МСДВ. Одновременно с ней в марте – апреле 1932 г. на Балтийском заводе, заводе имени А. Марти и на Северной верфи в Ленинграде были заложены еще 11 подлодок V серии типа «Щ». В течение

⁹¹ Арига Ц. Нихон рикукайгун-но дзёхо кико то соно кацудо = Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность. Токио: Киндай Бунгэйся, 1994. С. 294.

⁹² Колесниченко К. Ю., Левинов П. В. Тяжелая авиация в составе МСДВ – ТОФ в 1932–1938 гг. // Морской сборник. 2015. № 8. С. 74; Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 585.

⁹³ Там же. С. 585–586; Бережной С. С. Указ. соч. С. 184–189, 454–456.

⁹⁴ Архив НИИО МНО Японии. S7-43-4290 (C05022019400). Л. 0778–0779; (C05022020500). Л. 0832–0833; (C05022020800). Л. 0840–0841.

⁹⁵ Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 584.

1932 г. все они по железной дороге были перевезены в Хабаровск и Владивосток, собраны и в 1933–1934 гг. включены в состав МСДВ.

Одно из первых сообщений о спланированной переброске подводных лодок в разобранном виде по железной дороге на Дальний Восток поступило в Токио 5 мая 1932 г. от ВМАТ в СССР, ссылавшегося на информацию сотрудника японского посольства в Москве⁹⁶. Спустя 10 дней генконсул во Владивостоке Ямагути Тамэтаро проинформировал МИД о вероятном прибытии туда по железной дороге подлодок в разобранном виде, а 6 июля сообщил (со ссылкой на информаторов среди соотечественников) о размещении в Уссурийском заливе, гавани о. Русский и в заливе Посьет 20–34 малых и больших субмарин, которые собирались на стапелях Дальзавода. Эта информация незамедлительно была направлена в МГШ⁹⁷.

Хотя сообщения о перебросках подводных лодок поступали в МГШ и позднее, военно-морская разведка правильно установила, что введенными в строй субмаринами советский флот на Дальнем Востоке в 1932 г. не располагал: на 30 сентября РУ МГШ насчитало в составе МСДВ и Амурской флотилии 4 вспомогательных, 1 транспортное судно, 1 ледокол, 9 канонерских лодок и мониторов, а также 1 авиаматку [«Амур»]⁹⁸. Тем не менее по линии флотской разведки было усилено наблюдение за советской корабельной группировкой на Дальневосточном театре.

Активизация японской разведки в связи с наращиванием боевого состава МСДВ была своевременно выявлена советскими органами госбезопасности. В докладной записке 4-го отделения Особого отдела ОГПУ В. Р. Менжинскому от 20 июля 1932 г., в частности, говорилось, что «в сводках морштаба за последние месяцы стали фигурировать наряду с данными, полученными от МИД и Генштаба, сообщения, получаемые непосредственно от резидентуры во Владивостоке, от капитанов японских коммерческих судов, заходящих во Владивосток, и от нефтяной [кон] цессии в Охе на Сев[ерном] Сахалине, ведущей разведку специально для морского штаба, а также делаются ссылки на агентурные источники во Владивостоке». Кроме того, в записке цитировалась выдержка из дешифрованной телеграммы МГШ военно-морскому атташе в Москве от 9 июля 1932 г. о решении усилить разведработу на СССР с требованием представить смету расходов. В ответной телеграмме от 10 июля атташе ходатайствовал об отпуске 5000 иен на сбор информации о МСДВ, в счет которых МГШ уже перевел ему 3000 иен. «Таким образом, морской атташе в Москве, – отмечалось в записке, – деятельность которого до сих пор сводилась в основном к сбору и обработке материалов из легальных информационных источников, ныне переключается на активную агентурную разведку»⁹⁹. Видимо, именно в целях расширения агентурных возможностей ВМАТ капитан 2-го ранга Маэда Минору совместно с армейским коллегой совершили в мае 1932 г. поездку на несколько дней в Хельсинки, где приняли участие в совещании с сотрудниками разведслужбы Генштаба Финляндии¹⁰⁰.

Поступавшая командованию японского флота в 1933 г. по каналам генерального консульства информация свидетельствовала о последовательном наращивании советских подводных сил во Владивостоке. 26 мая генконсул Ямагути, в частности, сообщил в МГШ полученные от русского источника сведения о достройке на Дальзаводе 4 подлодок, из которых 1 в июле должна выйти на ходовые испытания, и о сборке на стапелях во внутренней гавани близ дока

⁹⁶ Архив НИИО МНО Японии. S7–41–4288 (C05022006700). Л. 0536.

⁹⁷ Там же. S7–43–4290 (C05022013300). Л. 0239–0240; (C05022017300). Л. 0583–0588.

⁹⁸ Санкоёдзукэ. Сёва 7 нэн 11 гацу 30 нити тёсэй = Справочные таблицы, подготовленные 30 ноября 1932 г. Токио: Кайгунсё, 1932. Таблица 12.

⁹⁹ Цит. по: *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК – ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Продюсерский центр «Икс-Хистори»; Кучково поле, 2008. С. 692–693.

¹⁰⁰ *Masunaga S.* In Search of New Facts: Interwar Japanese Intelligence Activities in the Baltic States and Finland: 1918–1940. Doctoral Dissertation. University of Turku: Center for East Asian Studies, 2021. P. 78.

корпусов еще 8 субмарин, а также о спланированном командованием МСДВ доведении числа морских охотников в 1933 г. до 40 единиц¹⁰¹.

3 августа 1933 г. МИД направило в МГШ телеграмму исполнявшего обязанности генконсула младшего секретаря Сакабэ Гэнго от 16 июля, ссылавшегося на капитана зашедшего 3 июля в порт грузового судна «Амакуса-мару» и личного агента из числа русских, о прохождении ходовых испытаний 1 субмарины в районе о. Аскольд, достройке на Дальзаводе 2 малых (длина 31 м, 4–6 торпедных аппаратов) и 2 больших (длина 48 м, 6 торпедных аппаратов) подводных лодок, сборке на стапелях во внутренней гавани еще 7 единиц, корпуса которых из Хабаровска по Амуру доставлялись во Владивосток. По данным генконсульства, эти лодки должны были базироваться в бухте Улисс¹⁰².

Сопоставив различную информацию, в сентябре 1933 г. МГШ пришел к выводу, что Советский Союз уже имел на Дальневосточном театре 3 боеготовые подводные лодки, свыше 17 морских охотников и продолжал наращивать их группировку, хотя в действительности на тот момент вступившими в строй субмаринами были только «Щ-101» и «Щ-102»¹⁰³.

В связи с потенциальной угрозой от действий советских подлодок японским морским коммуникациям командование императорского флота приняло решение активизировать разведку по МСДВ с позиций приграничных районов Маньчжурии и Северной Кореи, для чего в конце февраля 1934 г. туда в краткосрочную командировку был направлен начальник 7-го (европейского) отдела РУ МГШ капитан 1-го ранга Юкисита Кацуми¹⁰⁴.

Практически одновременно – в начале марта 1934 г. – в двухнедельную командировку во Владивосток для изучения характеристик советских подлодок выехали капитаны 2-го ранга Ямадзаки Сигэаки, Харада Каку и Коуда Такэро, являвшиеся ведущими японскими специалистами в области подводного флота: Харада служил старшим офицером штаба 4-го дивизиона ПЛ, а до этого командовал подводной лодкой «И-3», Ямадзаки – преподавателем Военно-морского штабного колледжа и командиром субмарины «Ро-67», Коуда – сотрудником 5-го (подводного) управления Главного управления кораблестроения ВМФ и командиром «И-4»¹⁰⁵. Для сбора информации офицеры использовали самый простой метод – визуальное наблюдение: как рассказывал немецкому коллеге в октябре т.г. ВМАТ в СССР капитан 3-го ранга Накасэ Нобору, во время прохождения на пассажирском судне через пролив Босфор Восточный он видел 8 подводных лодок в бухте Улисс и на стоянке перед территорией Дальзавода, а с одной из владивостокских сопкок мог наблюдать за работами на стапелях этого предприятия по сборке субмарин¹⁰⁶.

К моменту прибытия японских специалистов во Владивосток состав советской тихоокеанской группировки подводного флота уже увеличился до 8 субмарин V серии типа «Щ», вступивших в строй в сентябре – декабре 1933 г.; на стапелях Дальзавода и завода в Хабаровске велась сборка еще 6 «щук». Кроме того, 6 января 1934 г. во Владивосток прибыл эшелон с 3 субмаринами типа «М» из числа 18 лодок, заложенных в 1933 г. на верфях в Николаеве для МСДВ¹⁰⁷.

Стоит напомнить, что наращивание на Дальнем Востоке в первую очередь подводных сил обуславливалось ограниченными возможностями советского судостроения по производству крупных надводных кораблей и вытекавшей из этого концепции создания т. н. москит-

¹⁰¹ Архив НИИО МНО Японии. S8–90-4530 (C05022798700). Л. 0905–0907.

¹⁰² Там же. S8–90-4530 (C05022792800). Л. 0592–0596.

¹⁰³ Санкоёдзукэ. Сёва 8 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы, изданные 30 ноября 1933 г. Токио: Кайгунсё, 1933. Таблица 12.

¹⁰⁴ Архив НИИО МНО Японии. S9–16-4657 (C05023368000). Л. 0757.

¹⁰⁵ Там же. (C05023367900). Л. 0704, 0709.

¹⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 102.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 433. Л. 66.

ного флота, которая была принята в феврале 1929 г. и переутверждена 4 года спустя: 11 июля 1933 г. Совет Труда и Оборона одобрил постройку в 1933–1938 гг. 369 подводных лодок, 252 торпедных катеров и только 58 крейсеров, лидеров эсминцев и эсминцев¹⁰⁸. Принятию этого плана предшествовало обсуждение «Основных соображений по развитию ВМС РККА на вторую пятилетку (1933–1937 гг.)», в которых начальник Морских сил В. М. Орлов подчеркнул, что «основа программы строительства ВМС – развитие флота (в первую очередь и главным образом – подводного)»¹⁰⁹.

Ввод в строй кораблей на Дальнем Востоке осуществлялся достаточно быстро, поэтому в начале октября 1934 г. ВМАТ в СССР капитан 3-го ранга Накасэ Нобору в беседе с немецким коллегой констатировал увеличение количества базирующихся на Владивосток субмарин водоизмещением 600, 800, 1000–1100 т (типа «Щ») до 15 единиц, а также наличие там 20 торпедных, 20 сторожевых катеров, формирование новых артиллерийских и прожекторных батареи, оборудование 3 военных аэродромов у Океанской, на Первой речке и восточном побережье Уссурийского залива¹¹⁰. И это были неполные данные: к октябрю 1934 г. в состав МСДВ входили не 15, а 14 подводных лодок типа «Щ» и 21 типа «М», а также 29 торпедных катеров.

Однако в справочных материалах МГШ, датированных началом октября 1934 г., фигурировала более реалистичная цифра в 40 подводных лодок МСДВ, хотя количество торпедных катеров оказалось завышено более чем в 2 раза – якобы у Советского Союза на Дальнем Востоке имелось их свыше 90 единиц¹¹¹.

Если рост подводных сил МСДВ (с 8 до 43 субмарин) пришелся на 1934 г., то 1935–1936 гг. стали периодом бурного развития надводного флота. Мероприятия проводились в соответствии с докладной запиской начальника Штаба РККА А. И. Егорова наркому обороны К. Е. Ворошилову от 15 сентября 1934 г. о необходимости усиления Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА) и МСДВ, согласно которой в 1935 г. планировалось сформировать в интересах флота управление истребительной авиационной бригады в Угловой, 2 авиазвена волнового управления МБР-2 в Де-Кастри и заливе Стрелок (близ Шкотово), а также ввести в строй 27 ПЛ, 4 сторожевых корабля и 24 торпедных катера¹¹².

В течение 1935 г. в состав образованного 11 января т.г. ТОФ вошли сторожевые корабли «Бурун», «Вьюга», «Гром», «Метель» и 65 торпедных катеров, причем последние были сразу рассредоточены между Владивостоком, Шкотово, Сучаном, Советской Гаванью и заливом Владимира. В июне следующего года межтеатровый переход с Балтийского моря на Дальний Восток совершили эсминцы «Войков» и «Сталин», а осенью к ним присоединились сторожевые корабли «Зарница» и «Молния»¹¹³. Фактически с конца 1936 г. до весны 1939 г. наращивание надводных сил ТОФ прекратилось, однако он ежегодно пополнялся 4–10 ПЛ, которые в 1938–1940 гг. вместе с приданными им сторожевыми кораблями частично перебазировались в Петропавловск-Камчатский, Советскую Гавань и залив Владимира.

Таблица 2. Боевой состав ТОФ в 1932–1940 гг.¹¹⁴

¹⁰⁸ Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 591.

¹⁰⁹ Платонов А. В. Линейные силы советского флота. СПб.: Гангут, 2016. С. 234.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 101–104.

¹¹¹ Санкоёдзукэ. Сёва 9 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы, изданные 30 ноября 1934 г. Токио: Кайгунсё, 1934. Таблица 12.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 434. Л. 61.

¹¹³ Бережной С. С. У????.????.?33?36, 197.каз. соч. С. 33–36, 197.

¹¹⁴ Подсчитано по: Бережной С. С. У????.????.; каз. соч.; Морозов М. Э., Кулагин К. Л. Советский подводный флот 1922–1945 гг.: О подводных лодках и подводниках. М.: АСТ Москва; Транзиткнига, 2006. С. 329–330. ЛЭМ – лидер эсминцев, ЭМ – эсминец, СКР – сторожевой корабль, ЗМ – заградитель минный, ТЩ – тральщик, ПЛ – подводная лодка, ТКА – торпедный катер, Б/с – боевой самолет.

Класс	1.01.1933	1.01.1934	1.01.1935	1.01.1936	1.01.1937	1.01.1938	1.01.1939	1.01.1940	1.01.1941
ЛЭМ	0	0	0	0	0	0	0	1	2
ЭМ	0	0	0	0	2	2	2	3	6
СКР	1	1	1	5	7	6	7	6	6
ЗМ	3	3	6	6	6	6	6	6	6
ТЩ	4	4	7	7	9	9	10	15	17
ПЛ	0	8	43	51	61	65	71	81	85
ТКА	11	29	40	105	102	99	97	124	132
Б/с	47	115	274	446	...	573	...	667	...

Параллельно с усилением корабельной группировки на Дальнем Востоке советское руководство сразу после т. н. маньчжурского инцидента решилось на укрепление военно-воздушных сил (ВВС) в регионе. Хотя основной рост авиапарка пришелся на авиацию ОКДВА и Забайкальского военного округа (ЗабВО), благодаря проведенным мероприятиям практически с нуля были созданы мощные ВВС ТОФ.

Уже в октябре 1931 г. – июне 1932 г. в Хабаровске разместились переброшенные с запада или вновь сформированные эскадрилии 19-й тяжелобомбардировочной авиабригады ВВС МСДВ. В следующем году бригада сменила номер на 28-й и перебазировалась на аэродромный узел Воздвиженка в 20 км от Уссурийска. Одновременно в Хабаровск прибыла 26-я тяжелобомбардировочная авиабригада ВВС МСДВ (в ноябре переподчинена армии), а в приамурское Бочкарёво – 29-я тяжелобомбардировочная авиабригада ВВС ОКДВА (в т.г. перебазировалась в забайкальский Нерчинск). В результате Советский Союз, не имевший до т. н. маньчжурского инцидента ни одного дальнего бомбардировщика за Байкалом, к октябрю 1933 г. располагал 144 ТБ-1, ТБ-3 и 36 Р-6, а к январю 1937 г. – уже 300 ТБ-3 и 345 СБ¹¹⁵.

Приоритетное внимание советского руководства развитию дальней авиации целиком отвечало ее задачам, сформулированным 21 ноября 1933 г. заместителем наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевским на имя И. В. Сталина в записке «О методах борьбы с японским морским флотом в Японском море»: «Практически, на ближайшие годы, для борьбы с наступающим японским флотом нам придется применять воздушный и подводный флот, а также торпедные катера. Эти средства достаточны для того, чтобы при соответствующей организационной и технической подготовке, уничтожить те морские силы, которые Япония сможет выделить против СССР, не ослабляя себя для борьбы в Тихом океане. «...» Авиация наносит морскому флоту значительно более непоправимый урон. «...» Уничтожение же авианосцев делает флот почти неспособным к современной активной морской войне. Вместе с тем число линейных кораблей, по отношению к числу всех кораблей, очень ограничено, что облегчает задачу их поражения. «...» По предположениям IV-го [разведывательного] управления Штаба РККА, без ущерба для своей тихоокеанской политики, японцы смогут выделить против СССР: линкоров – 3, крейсеров – 14, авианосцев – 3, авиатранспортов – 3, морской авиации – 100 самолетов, эсминцев – 60–70, тральщиков и пр. – 70. «...» Сосчитаем, какое же требуется число самолетов для уничтожения главных сил японского флота, выставленных против СССР. 128 ТБ-3 могут выйти из строя [будут поражены корабельной зенитной артиллерией] до начала

¹¹⁵ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010. С. 117–118, 213; Колесниченко К. Ю., Левшов П. В. У????.????.?74?76.каз. соч. С. 74–76.

бомбометания. Для потопления кораблей потребуется 84 ТБ-3. «...» Для низкого торпедометания можно использовать ТБ-1, поставив их на поплавки. Таких самолетов мы имеем до двухсот. «...» 200 ТБ-3, 200 ТБ-1 с соответствующим числом разведчиков и истребителей создали бы нам господствующее положение в Японском море. Японская корабельная авиация оказалась бы беспомощной против этих сил, а базовая японская авиация за дальностью расстояния, не сможет работать со своим морским флотом»¹¹⁶.

Применительно к ВВС ТОФ это выразилось в том, что одновременно с расширением сети аэродромов базирования 28-й авиабригады в Приморье и ее перевооружением в июле – сентябре 1936 г. бомбардировщиками ТБ-3М-34р и ТБ-3М-34рм с увеличенной дальностью полета до 2000 км в октябре т.г. в приморской Романовке была сформирована 125-я минно-торпедная авиабригада, оснащенная ТБ-1, ТБ-3, СБ и Р-6¹¹⁷. Впрочем, более интенсивное развертывание группировки дальних бомбардировщиков ВВС ТОФ сдерживали низкие темпы строительства аэродромной инфраструктуры.

Преобразование МСДВ в ТОФ в январе 1935 г., наращивание его корабельной и авиационной группировок, рассредоточение боевых кораблей и авиации на обширных пространствах побуждали японскую военно-морскую разведку активнее использовать уже имевшиеся и изыскивать новые возможности для оперативного получения интересующей информации.

Первым шагом в этом направлении стало развертывание разведпункта в Сэйсине: 10 января 1935 г. военно-морской министр адмирал Осуми Минэо подписал приказ о назначении туда резидентом капитана 1-го ранга в запасе Минодзума Дзюндзи для «сбора разведывательной информации о советском Дальневосточном военно-морском флоте»¹¹⁸. К этому времени в послужном списке Минодзумы значились служба в центральном аппарате РУ МГШ (1917–1920), руководство его русским отделением (1928–1932), разведывательная работа с легальных позиций в Приморье, Приамурье и на Сахалине (1920–1921, 1923–1924), командование эксплуатационной службой линкора «Нагато» (1927–1928) и сторожевым кораблем 1-го класса «Ниссин» (1932–1933), что делало его одним из наиболее опытных офицеров флотской разведки.

Выбор Сэйсина для организации резидентуры был неслучаен. С 1929 г. морские перевозки на линии Цуруга – Владивосток вместо компании «Осака сёсэн» стала осуществлять фирма «Китанихон кисэн», которая для этих целей задействовала суда «Амакуса-мару» и «Каги-мару» с периодичностью 2 рейса в неделю. В 1930 г. во Владивосток стало ходить только «Амакуса-мару» сначала раз в неделю, а потом 3 раза в месяц. Чтобы минимизировать издержки от эксплуатации судов, в 1934 г. «Китанихон кисэн» начала использовать в качестве перевалочных баз порты Расин (Начжин) и Сэйсин, заменив в следующем году «Амакуса-мару» на модернизированный пароход «Сайбэрия-мару», который 3 раза в месяц совершал рейс во Владивосток и после суточной стоянки на рейде порта через Корею возвращался в Цуруга¹¹⁹. По уже сложившейся к тому времени практике капитаны всех японских пароходов, ходивших в советские порты, и их помощники были обязаны по указанию РУ МГШ вести сбор интересовавшей военно-морскую разведку информации¹²⁰. Кроме того, на Сэйсин базировались японские рыболовецкие шхуны.

Первоначально Минодзума через Токио и от капитанов ходивших во Владивосток японских судов получал советские газеты «Известия», «Правда», «Красная звезда», «Красное

¹¹⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. С. 82–90.

¹¹⁷ Колесниченко К. Ю., Левинов П. В. Указ. соч. С. 76–77, 80–81.

¹¹⁸ Архив НИИО МНО Японии. S10–3-5 (C01004099900). Л. 1848.

¹¹⁹ Мацура А. Номура Дзиитиро то ниппон кайкоро – Осака сёсэн, Китанихон кисэн, Ниппонкай кисэн = Номура Дзиитиро и три линии японского морского сообщения: Осака сёсэн, Китанихон кисэни Ниппонкай кисэн // Кансай дайгаку гакудзюцу риподзитори. 2016. № 46. С. 45–48, 52–53.

¹²⁰ Показания Минодзума Дзюндзи. С. 186.

знамя» (Владивосток) и другие издания, черпая из них нужные сведения. Затем резидент напрямую договорился с капитанами судов компаний «Китанихон кисэн» и «Тёсэн юсэн» о сборе информации о боевых кораблях, самолетах и портовых сооружениях во время стоянки на рейде Владивостокского порта или наблюдением с моря. По возможности они фотографировали интересующие Минодзума объекты. Таким образом, ему удалось установить количество базирующихся на Владивосток подводных лодок, их типы и вооружение, а часть из них сфотографировать. В 1938 г. Минодзума также привлек к сотрудничеству капитана рыболовецкой шхуны «Хокую-мару» Миядзаки, через которого осуществлял наблюдение с моря за советскими воинскими перевозками в заливе Посьет во время боев на озере Хасан.

Кроме того, в 1937–1945 гг. с высот, расположенных на корейской и маньчжурской территории, резидентурой велось постоянное визуальное наблюдение за акваторией залива Петра Великого. На них оборудовали два стационарных поста, на которых агенты-корейцы с мощными биноклями непрерывно наблюдали за движением судов в заливе Посьет, на подходах и в западной части Владивостока, докладывая Минодзуме об обстановке по телефону.

Однако по признанию резидента ему не удалось организовать регулярный вывод агентуры на советскую территорию: подобранные по его заданию в 1937–1938 гг. владельцем ресторана в Хуньчуне Кагава Сёити 6 агентов-корейцев и китайцев получили задание собирать данные о пункте базирования ТОФ в заливе Посьет, военно-политической и социально-экономической обстановке в Приморье, однако из-за малограмотности в полном объеме выполнить его не смогли¹²¹.

Перепроверка информации Минодзумы осуществлялась сотрудниками владивостокского генерального консульства, экипажами посещавших Приморье японских грузопассажирских судов и несшими охрану японских рыболовных судов у границы советских территориальных вод на севере Кореи эсминцами.

Для сбора сведений о пунктах базирования ТОФ в Нижнем Приамурье и Авачинской бухте военно-морская разведка Японии продолжала задействовать вспомогательные суда ВМФ, совершавшие регулярные рейсы из метрополии в Приморье, на Сахалин и Камчатку, а также несшие охранную службу у камчатского побережья эсминцы.

Как правило, капитаны нефтеналивных и транспортных судов японского флота после возвращения из Петропаловска-Камчатского и Охи представляли на имя заместителя военно-морского министра отчеты о навигационной, гидрографической, метеорологической, санитарно-эпидемиологической обстановках, условиях радиосвязи, действиях советских властей, количестве, типе, вооружении встречавшихся боевых кораблей и самолетов ТОФ и пограничной охраны. По отдельным заданиям РУ МГШ ими готовились подробные разведывательные сводки. Так, в июле 1934 г. капитан нефтеналивного судна «Цуруми» капитан 1-го ранга Вакабаяси Сэйсаку предоставил «Агентурное донесение об обстановке в Охе», подготовленное по результатам бесед с инспектировавшими судно советскими представителями, опросов японских работников концессии и наблюдений членов экипажа, в котором он подробно охарактеризовал организацию, дислокацию, численность, вооружение пограничной охраны и воинских частей на севере Сахалина, характер авиационного сообщения острова с материком, наличие аэродрома в заливе Уркт, социально-экономическую и санитарно-эпидемиологическую обстановку в Охе, отношение местных властей к японцам. В другом случае, в сентябре 1936 г., командир нефтеналивного судна «Ондо» капитан 1-го ранга Камата Митиаки доложил об обстоятельствах встречи 28 августа на рейде в Охе с отрядом в составе плавбазы и 4 подвод-

¹²¹ Показания Минодзума Дзюндзи. С. 186–187; Архив НИИО МНО Японии. S12–12-22 (C01004396300). Л. 1599–1600; S13–16-23 (C01004556600). Л. 1029.

ных лодок типа «Щ» (в т. ч. «Щ-117», «Щ-125»), приложив подробное описание и эскиз субмарин¹²².

Что касается эсминцев, то они продолжали решать разведывательные задачи МГШ в составе дивизионов ВМБ Оминато и Чинхэ, ежегодно выделяемых для охраны японских рыболовных судов у камчатского и приморского побережий. По сложившейся практике командование флота заранее назначало на должности командиров кораблей или их боевых частей 2–3 сотрудников военно-морской разведки со знанием русского языка.

На Камчатке параллельно с охраной крабоволовных судов эсминцы вели наблюдение за деятельностью морских пограничных частей ОГПУ – Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), регулярно докладывая в МГШ о выходах в море сторожевых кораблей и полетах боевой авиации. Благодаря двусторонней связи с рыболовными судами, японским консульством и управляющим отделением компании «Нитиро гёгё» в Петропавловске-Камчатском через радиоузел «Отоиси» Министерства связи в Нэмуру, командование дивизиона систематически получало от них шифротелеграммы о количестве, классах, местонахождении советских боевых кораблей, численности гарнизонов, наличии аэродромов, типе и числе боевых самолетов на полуострове. Часть информации консульство в Петропавловске отправляло напрямую через МИД в РУ МГШ¹²³.

При этом работа данной дипломатической миссии носила сезонный характер – консул, его секретарь и шифровальщик работали на Камчатке в период активного промысла рыбы лососевых пород, как правило, с мая по октябрь. Постоянно в Петропавловске находились сторож Такэмацу Такэо с женой. Работая в консульстве с 1930 г., он, по оценке советской контрразведки, являлся опытным японским разведчиком¹²⁴.

Необходимо отметить, что советские органы и войска госбезопасности старались отслеживать радиообмен японских кораблей: например, 7 августа 1938 г. начальник управления Краснознаменных пограничных и внутренних войск НКВД по Дальневосточному округу¹²⁵ комбриг Ф. Г. Соколов доложил в Москву о состоявшемся у восточного побережья Камчатки (на траверзе¹²⁶ мыса Инканюш) в 8 милях от берега случае «непосредственной связи японского эсминца с подводной лодкой в этих широтах», хотя по доступным к сегодняшнему дню японским источникам командование ВМФ империи к несению боевой вахты в этом районе субмарины не привлекало¹²⁷.

Курсировавшие у южного побережья Приморского края эсминцы 26-го дивизиона с 1937 г. были обеспечены командованием ВМБ Чинхэ специально разработанным шифром, позволявшим им оперативно обмениваться информацией с Военно-морским министерством, МГШ, резидентурами в Сэйсине и Сеуле, флотским радиоотрядом ВМБ Чинхэ, Корейским генерал-губернаторством, командирами его судов рыбинспекции «Асакадзэ-мару», «Тэрукадзэ-мару» и «Хакуё-мару», телеграфной станцией в Сэйсине и начальником полицейского бюро провинции Хамгён-Пукто относительно действий ТОФ, особенно его подводных лодок¹²⁸.

¹²² Там же. S11-170-5152 (C05035370800). Л. 0543–0587; (C05035371000). Л. 0632–0643; S9-157-4798 (C05023944300). Л. 0732–0739.

¹²³ Архив МИД Японии. Е.4.9.0.1.8.004 (B09042111400). Л. 0210, 0211; Е.4.9.0.1.8.006 (B09042113500). Л. 0218, 0222–0224, 0226, 0230–0232, 0255; Е.4.9.0.1.8.007 (B09042114800). Л. 0256, 0259; Е.4.9.0.1.8.008 (B09042116700). Л. 0403–0406.

¹²⁴ Государственный архив Камчатского края. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1196. Л. 121.

¹²⁵ В июне 1938 г. из пограничных войск Дальнего Востока были образованы отдельные Забайкальский и Дальневосточный пограничные округа. 29 февраля 1939 г. Управление Дальневосточного пограничного округа было расформировано, с 20 марта 1939 г. функционировали два пограничных округа – Приморский и Хабаровский.

¹²⁶ Траверз (от лат. transversus – поперечный) направление, перпендикулярное курсу судна. «Быть на траверзе» какого-либо предмета – находиться на линии, направленной на этот предмет и составляющей прямой угол с курсом судна.

¹²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 551. Л. 248.

¹²⁸ Архив НИИО МНО Японии. S12-135-5300 (C06092457800). Л. 0165–0180.

Куда большие сложности для флотской разведки представлял сбор сведений о морской авиации ТОФ в силу ограниченных возможностей резидентуры Минодзумы по выводу агентуры на юг Уссурийского края и жесткого контрразведывательного режима в Приморье. Поэтому МГШ в большей степени полагался в этом вопросе на информацию проникавшей на советский Дальний Восток и в Забайкалье агентуры японских военных миссий и военной жандармерии Корейской и Квантунской армий, а также на доклады дипмиссий во Владивостоке, Благовещенске, Чите и Александровске-Сахалинском. Необходимо отметить, что резидент проявлял устойчивый разведывательный интерес к ВВС СССР. Уже после советско-японской войны в собственноручно написанных показаниях Минодзума подчеркивал: «...Начиная с 1938 г., я приступил к активной работе по изучению советской авиации. Инцидент на озере Хасан и последующие события показали сильное превосходство советской авиации над японской. Это обстоятельство вызывало сильное беспокойство японского командования»¹²⁹.

Предпринятые ВМФ Японии меры по активизации разведки на советском направлении позволили ему уже в 1936 г. подготовить ряд подробных справочных материалов: 31 марта МГШ составил совершенно секретный обзор состояния подводных сил РККФ, 1 декабря – таблицу корабельного состава Амурской флотилии, а в августе Главное управление морской авиации представило командованию совершенно секретный доклад «Состояние военно-воздушных сил на советском Дальнем Востоке»¹³⁰.

В последнем документе главное внимание было уделено боевому и численному составу ВВС ОКДВА и ЗабВО, состоянию их аэродромной сети, организации противовоздушной и береговой обороны юга Приморья. Составители доклада, в частности, отмечали, что в связи со стремительным ростом советской боевой авиации на Дальнем Востоке большинство аэродромов располагало лишь временными топливозаправками и радиоузлами, поэтому велось строительство ангаров и казарм для личного состава. Первоочередное внимание уделялось дооборудованию аэродромов в Спасск-Дальнем и Чите, так как базировавшиеся на них бомбардировщики ТБ-1 и ТБ-3 стояли под открытым небом. Составители обратили внимание на то, что подавляющее большинство аэродромов из-за неблагоприятного транспортного сообщения и слаборазвитой сети радиосвязи строились вдоль железных дорог, а к таким удаленным авиабазам, как Ольга или Янчихэ, специально прокладывались автодороги из Спасск-Дальнего и Владивостока соответственно. Сотрудники Главного управления морской авиации оценили численность ВВС ОКДВА и ЗабВО в 954 боевых самолета на январь 1936 г., констатируя их рост за год на 240 машин. Количество тяжелых бомбардировщиков ТБ-3, способных долететь до Японии, оценивалось ими в 77 машин. К докладу прилагался комплект картографических материалов о всех выявленных советских авиабазах на Дальнем Востоке и в Забайкалье, позициях противовоздушной обороны (ПВО), береговой артиллерии, стоянках боевых кораблей, узлах связи, казармах во Владивостоке, Посъете и Находке, дислокационные данные о частях и соединениях Приморской группы войск ОКДВА, которые могли быть привлечены к береговой обороне¹³¹.

Несмотря на активизацию военно-морской разведки Японии, после образования ТОФ советское руководство в 1935–1941 гг. в целом сохраняло такую организацию контрразведывательного обеспечения флота, при которой, например, начальник Приморского областного управления НКВД СССР Я. С. Визель одновременно являлся начальником ОО МСДВ – ГУГБ НКВД ТОФ. Это позволяло эффективно задействовать имеющиеся совместные силы для пресечения разведывательной деятельности Японии (предотвращение проникновения японских разведчиков и агентов в органы военного управления, воинские части, учреждения, на бое-

¹²⁹ Цит. по: Показания Минодзума Дзюндзи. С. 185.

¹³⁰ Архив НИИО МНО Японии. S14-12-16 (C01004677800). Л. 0107; S12-6-38 (C01006942800). Л. 1364–1365.

¹³¹ Архив НИИО МНО Японии. 5 Кокубутаи-кокухомбу-37. Л. 0001–0072.

вые корабли и предприятия флота; сковывание противоправной деятельности владивостокского генконсульства), а также иметь единый учет, оперативно обмениваться информационными материалами¹³².

Из-за отсутствия надежных агентурных позиций на ТОФ и предприятиях оборонной промышленности самостоятельно и в полном объеме решить задачи по получению достоверной информации о советских ВМС на Дальнем Востоке разведка японского флота не могла. Наибольшие сложности вызывал сбор данных о тактико-технических характеристиках подводных лодок. Поэтому по примеру армейских коллег МГШ Японии с 1934 г. начал сотрудничать с немецкой военной разведкой (абвер). Обмен информацией осуществлялся через ВМАТ обеих стран в Берлине, Москве и Токио, а ее получателями и поставщиками с германской стороны выступали группа 1М (морская разведка) и отдел «Заграница» абвера¹³³.

Так, 12 июня 1935 г. МГШ направил в Берлин запрос на получение подробных сведений о советских субмаринах и передал через германского ВМАТ в Москве капитана 2-го ранга Норберта фон Баумбаха их примитивные эскизы, а в августе 1936 г. предоставил немцам все материалы о подводных силах ТОФ, рассчитывая на взаимность¹³⁴. Однако до 1937 г. обмен разведывательной информацией носил эпизодический характер, хотя еще 24 марта 1936 г. Военно-морское министерство Японии через немецкого ВМАТ в Токио капитана 1-го ранга Пауля Веннекера предложило Берлину обменяться всеми имеющимися данными о советском флоте и в дальнейшем взаимно передавать вновь поступающие сведения каждые 3 месяца¹³⁵.

Сотрудничество двух стран против СССР приняло наиболее интенсивный характер с 1937 г. ВМАТ в Германии контр-адмирал Кодзима Хидэо (1936–1938, 1943–1945) вспоминал по этому поводу: «Взаимоотношения с абвером под руководством Канариса были прекрасными. Немцы получали информацию о Владивостоке и Советском Союзе, взамен Канарис снабжал императорский флот материалами о США, особенно об их судостроении»¹³⁶.

Именно Кодзима стал инициатором расширения разведывательного взаимодействия двух флотов. Узнав о достигнутой договоренности между военным атташе в Берлине генерал-майором Осима Хироси и начальником абвера контр-адмиралом Вильгельмом Канарисом по поводу сотрудничества в области разведки и контрразведки против Советского Союза, 10 мая 1937 г. он посетил Командное управление Верховного командования ВМФ (ОКМ) Германии и предложил заключить аналогичное соглашение между двумя флотами, выведя его за рамки уже существовавшего обмена информацией по РККФ передачей сведений о ВМС Великобритании и других великих держав. Хотя этот шаг был предпринят по собственной инициативе Кодзима, а не Токио, Военно-морское министерство Японии, узнав о нем, в начале июля одобрило действия своего атташе, но потребовало от него добиваться от ОКМ заключения соглашения только по советскому флоту. 8 июля 1937 г. Кодзима озвучил эти директивы Командному управлению ОКМ. Неделью спустя немцы пришли к выводу о целесообразности сохранения и расширения сотрудничества абвера с японцами в обмене разведывательной информацией по СССР, однако по политическим причинам решили отказаться от заключе-

¹³² Тужилин С. В. Реорганизация советской морской контрразведки на Дальнем Востоке накануне и в годы Второй Мировой войны // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках: материалы XXIV науч. конф. М.: Издательство Фронткнига, 2020. С. 109–110; 10 июля 1934 г. на базе ОГПУ было образовано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, а ОМСДВ переименован в ОГУГБ НКВД ТОФ.

¹³³ Национальный архив Японии. Кун-00930100 (A10113403600). Л. 34–36; Кун-00956100 (A10113448100). Л. 120.

¹³⁴ ВАМА. RM 11/69. S. 117; RM 11/71. S. 198; RM 11/72. S. 250–253.

¹³⁵ Ibid. RM 11/71. S. 197.

¹³⁶ Tajima N. The Origins of the Berlin – Tokyo Axis Reconsidered: From the Anti-Comintern Pact to the Plan to Assassinate Stalin // Сэйдзёхогаку. 2002. Дай 69 го. Р. 20–22.

ния письменных договоренностей. В августе 1937 г. указание об активизации сотрудничества с японцами по РККФ было доведено до немецких ВМАТ в Токио и Москве¹³⁷.

Таким образом, главным партнером РУ МГШ Японии в работе против СССР остался абвер, а не разведслужба германского флота, видимо, в силу того, что немецкая военная разведка в то время была единственной в рейхе, имевшей возможность располагать агентурными позициями в нашей стране, а также заниматься перехватом и дешифровкой советского радиобмена.

Стремление избежать заключения письменного соглашения с Японией в области разведки против СССР скорее всего объяснялось прокитайским настроем высшего военного руководства Германии, особенно военного министра Вернера фон Бломберга. Однако после его отставки в феврале 1938 г. стороны вернулись к этому вопросу и 7 октября т.г., одновременно с подписанием «Соглашения армий Японии и Германии об обмене информацией и подрывных операциях против СССР», Кодзима и новый военный министр Вильгельм Кейтель заключили аналогичный договор, касавшийся обмена сведениями о Красном флоте, но без упоминания о совместной диверсионной работе. В апреле 1939 г., следуя пожеланиям японской стороны, Токио и Берлин включили в сферу взаимного обмена разведывательной информацией флоты США, Великобритании и Франции¹³⁸.

В результате с ноября 1937 г. ОКМ стало получать всеобъемлющую информацию МГШ Японии о ТОФ и советских ВМС в целом, военной помощи СССР правительству Чан Кайши и контактах Москвы с китайскими коммунистами. Так, 1 ноября 1937 г. немецкий ВМАТ в Токио капитан 1-го ранга Иоахим Литцманн телеграфировал в Берлин информацию РУ МГШ о советской политике в Китае и просьбе японской стороны дать ей оценку. Две недели спустя немецкий ВМАТ в Москве проинформировал ОКМ об ознакомлении с секретным справочником по РККФ его японского коллеги капитана 2-го ранга Кавабата Масахару. 14 декабря 1937 г. Берлин получил через Литцманна справочные материалы РУ МГШ о боевом составе ТОФ на 10 декабря и тактико-технических характеристиках эсминца «Сталин». В следующем году немецкий ВМАТ в Токио сообщил своему командованию информацию 3-го управления о строительстве подводных лодок, крейсера и 2 эсминцев на Ворошиловской верфи во Владивостоке, дислокации тяжелобомбардировочных авиабригад ВВС ТОФ в Приморье, боевом составе ТОФ на 1 февраля 1938 г., поставках советских боевых самолетов в Китай, побеге начальника Управления НКВД СССР по Дальневосточному краю комиссара государственной безопасности 3-го ранга Г. С. Люшкова в Маньчжурию и пр.¹³⁹

Со своей стороны, японская военно-морская разведка уточняла и перепроверяла через немцев сведения о положении в РККФ на западных морских театрах: например, 12 января 1938 г. германский ВМАТ в Токио сообщил в ОКМ о просьбе МГШ Японии как можно скорее проинформировать о текущей численности и дислокации советских ВВС, строительстве новых кораблей в европейской части нашей страны, местонахождении, организации пунктов базирования Северного флота и его боевом составе¹⁴⁰. Это сотрудничество продолжалось до 1945 г.¹⁴¹

Таким образом, после вывода японских войск с территории советского Дальнего Востока и заключения Вашингтонских морских соглашений в 1922 г. военно-морская разведка империи уделяла основное внимание сбору информации о ВМФ США и Великобритании. Малочисленность МСДВ вплоть до 1932 г. обуславливала ограниченный интерес к ним японского

¹³⁷ ВАМА. RM 11/2. S. 137–137 об, 142–142 об, 152; RM 11/3. S. 71.

¹³⁸ *Tajima N.* Op. cit. P. 21–22.

¹³⁹ ВАМА. RM 11/3. S. 60, 65–72, 121; RM 11/73. S. 449–453; ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12453. Д. 36. Л. 233, 401–403, 425–426.

¹⁴⁰ ВАМА. RM 11/3. S. 177.

¹⁴¹ *Тужилин С. В.* Специфика взаимодействия специальных служб Японии и Германии в ущерб безопасности СССР накануне и в годы Второй мировой войны // Религия, стабильность, безопасность [Электронный ресурс]: Сборник научных трудов / Под. ред. О. Н. Сенюткиной. Н. Новгород: НГЛУ, 2021. С. 43–55.

флота и минимальное задействование его разведывательных возможностей для получения сведений. С началом наращивания советским руководством т. н. москитного флота на Дальнем Востоке военно-морская разведка Японии развернула в 1935 г. резидентуру в Сэйсине, которая до конца 1930-х гг. вместе с генеральным консульством во Владивостоке оставалась основным источником информации о МСДВ – ТОФ. Одновременно командование ВМФ расширило круг своих зарубежных партнеров в области разведки по СССР за счет установления контактов с немецким абвером.

§ 2. Вызов Красного флота (1936–1940)

Усиление советских войск на Дальнем Востоке и активизация здесь японской разведки являлись следствием глобальных изменений военно-политической обстановки, которые произошли после Первой мировой войны и Вашингтонской конференции. Начало в 1929 г. международного экономического кризиса, заключение Японией в 1930 г. Лондонского морского договора, оккупация Маньчжурии и создание там марионеточного государства в 1932 г., исключение империи из Лиги Наций в 1933 г., преждевременный выход из Вашингтонского и Лондонского соглашений в декабре 1934 г. – все это напрямую затрагивало интересы Токио и уже не вписывалось в рамки действовавшего с 1923 г. «Курса национальной обороны империи».

Поэтому весной 1936 г. верховное командование японской армии и флота пришло к выводу о необходимости пересмотра военной доктрины империи и включения Советского Союза в число главных противников. Несмотря на традиционную ориентацию ВМФ на подготовку к возможному столкновению с США, мнение начальника МГШ, выраженное с подачи 1-го (оперативного) управления совместно с начальником Генерального штаба в мае 1936 г., сводилось к тому, что, хотя Советский Союз декларативно заявлял о миролюбии, в действительности он стремился завоевать мировое господство путем установления диктатуры пролетариата и наращивания военных приготовлений, занимался «обольшевечиванием» Внешней Монголии, Синьцзяна и Китая, и в случае возникновения войны между империей и другим государством обязательно воспользовался бы этим для нагнетания обстановки. Поэтому флот был солидарен с армией в вопросе внесения СССР в число главных противников.

Впрочем, морское ведомство вполне трезво оценивало советский военно-морской потенциал на Дальнем Востоке и перспективы его усиления: МГШ считал, что располагавший малочисленным флотом Советский Союз активно наращивал подводные силы и морскую авиацию на театре, но полагал, что строительство им кораблей класса «крейсер – линкор» – дело далекого будущего. Кроме того, обстановка в Европе не позволяла СССР в короткие сроки усилить ТОФ за счет межтеатрового перехода кораблей с запада¹⁴².

Поэтому главную угрозу для империи с точки зрения флота по-прежнему представляла Америка. В подготовленных для начальника МГШ материалах 1-го управления по этому поводу отмечалось: «США в своей дальневосточной политике традиционно настаивают на соблюдении принципа «открытых дверей и равных возможностей в Китае». С помощью сильных Вооруженных сил, особенно флота, они намерены контролировать Тихий океан и препятствовать расширению влияния нашей империи на Дальнем Востоке. Поэтому в случае, если империя для обеспечения ею вечного мира на Дальнем Востоке станет неуклонно расширять там свое господствующее положение, США до последнего будут придерживаться своей дальневосточной политики. И если они по собственной воле будут поддерживать третью державу и манипулировать ею, чтобы вредить реализации нашего национального курса, империя обязана решительно пресечь эти шаги»¹⁴³.

3 июня 1936 г. император утвердил новые «Курс национальной обороны империи» и «Программу применения Вооруженных сил». Ожидаемо, главными противниками Японии в них были названы США и Советский Союз, которые могли помешать ей в «превращении в стабилизирующую и самую влиятельную силу в Восточной Азии, в обеспечении развития государства за счет модернизации Вооруженных сил и использования соответствующих дипломатических мер, а в случае внезапного возникновения чрезвычайной ситуации – в захвате

¹⁴² Архив НИИО МНО Японии. 9 Сонота-касумигасэки-15 (С14121170500). Л. 2029–2030, 2066–2067.

¹⁴³ Архив НИИО МНО Японии. 9 Сонота-касумигасэки-15 (С14121170500). Л. 2031–2032.

инициативы и достижения целей войны»¹⁴⁴. Согласно обновленной военной доктрине, боевой состав ВМФ Японии на случай войны с США должен был насчитывать 12 линкоров, 10 авианосцев, 41 тяжелый и легкий крейсер, 96 эсминцев, 70 подводных лодок¹⁴⁵.

В это же время советское военно-политическое руководство обратило внимание на создание большого океанского флота и радикальное усиление военно-морских сил на Дальневосточном театре.

3 февраля 1936 г. Совет Труда и Оборона принял постановление «О морском судостроении на Дальнем Востоке», согласно которому в 1937 г. планировалось ввести в состав ТОФ 2 лидера эсминцев проекта 38 и 6 эсминцев проекта 7. Корпуса лидеров и эсминцев в разобранном виде должны были из Николаева по железной дороге доставляться для окончательной сборки на заводы № 199 (Комсомольск-на-Амуре) и № 202 (Владивосток). Этим же постановлением было спланировано строительство в 1937–1939 гг. на комсомольском заводе 2 легких крейсеров проекта 26-бис.

Решение о строительстве большого океанского флота было утверждено постановлением Совета Труда и Оборона 27 мая 1936 г., согласно которому к концу 1943 г. в боевой состав РККФ должны были войти 8 линкоров и 18 тяжелых крейсеров. Не прошло и месяца, как Совет народных комиссаров СССР (СНК) утвердил более масштабную кораблестроительную программу до 1947 г. по вводу в строй 533 боевых кораблей общим стандартным водоизмещением свыше 1 300 000 т, в т. ч. 24 линкоров, 20 легких крейсеров, 17 лидеров эсминцев, 128 эсминцев, 344 подводных лодок. Из этого числа 232 корабля предназначались для ТОФ, в т. ч. 6 линкоров, 8 легких крейсеров, 6 лидеров, 44 эсминца и 168 подводных лодок¹⁴⁶.

Японская военно-морская разведка не смогла своевременно вскрыть принятие этой грандиозной программы. Выступая в декабре 1936 г. на секретном заседании Японской дипломатической ассоциации с докладом «О характере военно-морского бюджета на 1937 финансовый год и полной картине связанных с флотом вопросов национальной обороны», начальник Бюро военных дел Военно-морского министерства контр-адмирал Тоёда Суэми следующим образом прокомментировал состояние ТОФ: «Лишь в последние годы российский флот начал быстро повышать свою боевую готовность, и этот факт не может быть проигнорирован нашим флотом, мы серьезно его изучаем. Ядро российского флота на Дальнем Востоке составляют 50 подводных лодок. В целом Россия обладает примерно 120 субмаринами, из которых около 50 переброшены на Дальний Восток. Кроме того, здесь имеются 6 эсминцев [сторожевых кораблей] небольшого водоизмещения, а также так называемые быстроходные торпедные катера чрезвычайно малого водоизмещения в 10 тонн [«Ш-4»], которые, как я полагаю, в зависимости от обстановки используются как морские охотники или по прямому назначению. 100 таких катеров базируются на Владивосток и в случае отражения Россией нападения японского флота, бесспорно, смогут оказать ему серьезное сопротивление. Однако военно-морская мощь и господство на море не могут быть обеспечены только подводными лодками и торпедными катерами. Так или иначе, для этого нужен сбалансированный флот с ядром из кораблей класса «линкор – крейсер», однако имеющийся у России хороший оборонительный потенциал с точки зрения завоевания морского господства на Дальнем Востоке, думаю, не даст ей ни единого шанса на победу в сражении против японского флота»¹⁴⁷.

Спустя полгода, в мае 1937 г., Главное управление кораблестроения ВМФ Японии подготовило секретный доклад «Основные тенденции судостроения в ВМС ведущих стран», в котором констатировало динамичное развитие кораблестроительной промышленности во

¹⁴⁴ Там же. Бунко-Миядзаки-10 (С14061005100). Л. 0157–0159. Кроме того, вторыми по значимости потенциальными противниками были названы Китай и Великобритания.

¹⁴⁵ Там же. Л. 0163. В число легких крейсеров включены 13 флагманов соединений ПЛ и эсминцев.

¹⁴⁶ Боевая летопись Военно-морского флота, 1917–1941. С. 603; Платонов А. В. Указ. соч. С. 238.

¹⁴⁷ Архив МИД Японии. А.5.3.0.15 (В02031476000). Л. 0394–0395.

всем мире, вызванное ростом международной напряженности и гонкой вооружений, отметило ставку мировых держав на создание линейного флота, проанализировало развернувшееся в Европе англо-германское морское соперничество, а в части, касавшейся СССР, лишь упомянуло о строительстве легкого крейсера водоизмещением 2895 т, коим являлся заложенный на итальянских верфях лидер эсминцев «Ташкент»¹⁴⁸.

В то же время в материалах РУ МГШ начали фигурировать сообщения о строительстве Советским Союзом авианосцев. Эксперты военно-морской разведки Японии отмечали в ноябре 1936 г.: «Авианосец «Красный моряк» имеет водоизмещение 7600 тонн, скорость хода, вероятно, 18 узлов, вооружен 18 истребителями и 9 разведчиками. Считается, что он перестроен из незаконченного крейсера времен Первой мировой войны, на его мачте смонтированы специальные крепления для швартовки дирижаблей. Однако существование этого корабля – под вопросом»¹⁴⁹. С ноября 1938 г. в справочных материалах МГШ стал упоминаться авианосец «Сталин» водоизмещением 9000 т и скоростью хода 30 узлов, который имел на вооружении 22 боевых самолета¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Архив НИИО МНО Японии. S12-133-5298 (C06092450100). Л. 0838–0866.

¹⁴⁹ Рэккоку кайгун гэндзё санкодзукё. Сёва 11 нэн 11 гацу 30 нити канко. Таблица 8.

¹⁵⁰ Рэккоку кайгун гэндзё санкодзукё. Сёва 13 нэн 11 гацу 30 нити канко = Справочные таблицы по иностранным военно-морским флотам, изданные 30 ноября 1938 г. Токио: Кайгунсё, 1938. Таблица 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.